

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Александр РУДАЗОВ

БЫЛИНЫ СЕГО ВРЕМЕНИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Annotation

Зима пришла на Землю Русскую. Покрылись снегом леса и поля ее, побелели бескрайние просторы. От князя до последнего холопа все в шубы облачились, печи растопили.

А посреди белых снегов несется громадный серый волчище, и восседает на спине его добрый молодец с мечом-кладенцом. На полудень путь их лежит — к морю теплomu, к Буяну-острову, к дубу великому. Туда, где смерть Кашеева в каменном яйце сберегается.

Поспешать надо княжичу Ивану да Серому Волку. Беда зреет на восходе.

Уже сгущаются в Кашеевом Царстве тучи, уже собираются в страшный кулак орды. Восседает на железном троне старик в железной короне. Скоро уж обрушится на Русь царь нежити.

Хек. Хек. Хек.

Александр Рудазов

Былины сего времени

*«Я смертельна для тех, кто нежен и юн.
Я птица печали, я — Гамаюн.
Но тебя, сероглазый, не трону, иди.
Глаза я закрою, я крылья сложу на груди,
Чтоб, меня не заметив,
ты верной дорогой пошёл.
Я замру, я умру, чтобы ты своё счастье нашёл...»*

*Так пел Гамаюн среди чёрных осенних ветвей,
Но путник свернул с осянной дороги своей.*

Анна Ахматова

Огромный дивий шагал с лязгом, грохотал по древнему камню. При виде него из-за решеток высывались руки — узники стенали, молили о чем-то. Но безмолвный страж оставался глух к их крикам, а по рукам бил железным кулаком.

В другой ладони была крепко зажата нога. Странная то была нога — не человечесья, не птичья, а что-то посредине. Могучий дивий волок бездыханного фалколака — сокола-оборотня.

Финист Ясный Сокол — на Руси имечко известное. Да и в других краях тоже. Немало сердечек сладко замирало, когда в ночи раздавался тихий стук в окошко. Одинокие девицы, молодые вдовицы, даже и гулящие женки — многие приголубливали Финиста.

Младший сын Волха залетал в окно птицей, оборачивался несказанной красоты молодцем. Умел, негодяй, оморочить свою любушку, усладить ее речью соловьиной, затомить в горячих объятиях, да растопить на меду уста алые. Повсюду его привечали, повсюду ждали с нетерпением.

Слишком удачлив был Финист, слишком уж улыбалась ему Доля, слишком ласковы были Суденицы. Вот и стал он неосторожен, стал бесстрашен не в меру — и в итоге попался Кашею в лапы.

Вроде и снова удача, выпустила его из золотой клетки Василиса Премудрая — да опять не слава богу. В последний момент явился Кашей со своими чудищами, обратил Василису в лягушку, а Финиста снова заточил — и на сей раз не в клетку, а в темницу, в мешок каменный.

Хорошо хоть, в живых оставил.

Железный истукан швырнул узника в тесную — едва в рост вытянуться — камору, захлопнул тяжеленную дверь и повернул ключ. Финист оказался в крошечной тьме — внутри не было ни окна, ни самой малой щелочки. Избитый до полусмерти, он с трудом проволоч себя к стене и обмяк на куче гнилой соломы. Кости со скрипом меняли форму, крылья обращались руками, стальные перья — пальцами.

Надо потерпеть. Немного подождать, затянуть раны. Оборотень — создание живучее, сил в него боги вложили немерено. Поспать... отдохнуть... а там уж и думать, что дальше делать, как из беды спастись.

На этой мысли Финист и уснул. И спал он почти двое суток, не ведая, что творится снаружи, день там хотя бы или ночь.

А снаружи творились большие дела. Заканчивался грудень, близилась зима. На Руси уже выпал первый снег, в Кашеевом Царстве тоже холодало. Злой дух Карачун подвывал за окнами, припорошивал деревья белой пудрой, оставлял на стеклах хитрые узоры.

Холодно было и внутри. Леденящая, пробирающая до костей стужа царила в Костяном Дворце. На железном троне восседал костлявый старик с мертвыми глазами — чело его украшала железная же корона, а длани покоились на крестовине волнистого меча. Высохшая кожа туго обтягивала череп, казалась пергаментной маской.

Доспехов Кашей Бессмертный сегодня не надел. Был облачен в черную шелковую мантию с пелериной из китового уса. В ней он выглядел хилым, слабым — дунь, рассыплется.

Именно эту ошибку совершил стоявший перед тронном витязь. Рослый крепкий парень с

тяжелым длинным мечом смерил бессмертного царя презрительным взглядом и фыркнул:

— Что же, ты и есть знаменитый Кашей?.. Тот самый, коего так боятся русины?.. Да ты же просто трухлявый старикашка!

— Никогда не недооценивай трухлявых старикашек, — равнодушно ответил Кашей. — Кто ты и зачем пришел? Что тебе нужно в моем царстве?

— Я Ингвар Брюнбьёрнссон, — гордо ответил витязь. — Со мной мой друг и сподвижник Бьярни. Мы из йомсвикингов.

— Йомсвикингов? — переспросил Кашей. — Вы разве еще остались?

— Конунг Магнус уничтожил Йомсборг, но Йомсборг — это только крепость, — задрал подбородок Ингвар. — Йомсвикинги — это люди, а не камни. Мы остались. Нас немного, но мы остались.

— Рад за вас. Ну а в моем царстве вы двое что забыли?

— Мой друг и сподвижник Бьярни ищет здесь знаний, — снисходительно ответил Ингвар. — Он книжник и скальд. Я же... я пришел бросить тебе вызов!

— Очень оригинально, — безразлично прокомментировал Кашей.

Ингвар Брюнбьёрнссон взирал на него без малейшего страха. Явно хоробр не из последних. А вот Бьярни... этот чуть заметно дергал нижней губой. Видно, не по себе было книжнику.

С Кашеем эти двое говорили на северной речи. Том языке, что в ходу у данов, шведов, норвегов и некоторых новгородцев. Русским Ингвар тоже владел, но так плохо, что сразу перешел на родной, едва лишь убедился, что царь Кашей его понимает.

Бьярни же в основном помалкивал. Кажется, жалел, что увязался в этот поход за соратником.

— Значит, ты бросаешь мне вызов, дан, — произнес Кашей. — Хочешь меня убить. Хек. Хек. Хек.

— Я норвежец, — недовольно поправил Ингвар. — Не называй меня даном, старикашка, не то...

— Не то что? Убьешь меня дважды?

— И одного раза достанет! — приосанился Ингвар. — Хотя ты и здесь ошибся — мне вовсе нет нужды тебя убивать. Не за тем я сюда пришел.

— Разве ты не сказал, что пришел бросить мне вызов?

— Вызов! Поединок! Благородный хольмганг! Я желаю испытать твою силу, Кашей, а вместе с ней и свою! У себя дома я равных в битве не знаю! Немало искал противников — не нашел достойных! Для того приплыл в Гардарику — здесь попробовать таких найти! И прослышал в вашем Новом Городе, что сильнейший здесь ты! Прослышал, что десятки рыцарей ездили в твоё королевство, но назад ни один не вернулся!

— Говоря другими словами — ты хочешь меня убить, — подытожил Кашей.

— Необязательно, — пожал плечами Ингвар. — Теперь же я вижу... каков ты. Я ожидал встретить воина. Непобедимого воина — может, старого, но великого. А ты... может, твои славные дни просто позади?.. Очень-очень далеко позади?..

В глазах Кашей ничего не отразилось. Он все так же безучастно взирал на Ингвара, и лишь меч в его руке чуть заметно изогнулся, точно живой.

Кашей приподнял его, взвесил на руке и положил на трон. Вновь переведя взгляд на Ингвара, бессмертный царь произнес:

— Ты бесконечно глуп, но и бесконечно храбр, норвег. Как и большинство богатырей,

что являются по мою голову. Но из уважения к дальнему пути, что ты проделал, я дам тебе послабление. Часы.

Слуга-татаровьин с поклоном поднес Кащейю песочные часы. Ингвар и Бьярни недоуменно на это таращились. Кащевы же придворные глумливо скалились, перешептывались, а какой-то огромный людоящер гулко рокотал.

— Песку в этих часах — на три минуты, — сказал Кащей, ставя их на подлокотник. — Ровно три минуты я не буду защищаться. Если за это время сумеешь меня сразить — твое счастье. Уйдешь живым и даже с наградой. Не сумеешь — пеняй на себя.

На лице Ингвара отразилось сомнение. В своих силах он был уверен, но король Кащей тоже что-то уж слишком уверенно говорит. Молодой йомсвикинг не отличался хитростью, но глупцом его все же не называли.

А те, кто называл — недолго потом радовались.

Ингвар покосился влево. Покосился вправо. Там и там хладными статуями высились дивии — эти ужасные Кащевы гридни. Ингвар не надеялся одолеть сразу двоих. Видал он их в бою. В королевство Кащейя йомсвикинг явился не только сам-друг с Бьярни — с ними было еще четверо кнехтов. Но они столкнулись с дивиями — и те порубили храбрых мужей, как колбасу.

— Дай слово, что соблюдешь условия поединка, Кащей! — потребовал Ингвар.

— Соблюдаю, не сомневайся, — ледяным голосом подтвердил тот, переворачивая часы. — Твое время пошло, норвег.

С яростью, с диким криком берсерка взмахнул Ингвар мечом. Он чувствовал силу своего вута, чувствовал, что сам Тор направляет его клинок. Йомсвикинг уже знал, видел, как булатная сталь распахивает трухлявого старикашку надвое!..

...И едва не рухнул, встретив на пути пустоту. Король Кащей с небывалой быстротой ушел из-под удара, отклонился всего на шаг — в самое последнее мгновение.

Еще удар!.. Еще взмах!.. Ингвар махал мечом неистово, как безумный, но каждый раз король Кащей успевал отойти, убрать голову.

— Ты же обещал не защищаться! — возмутился тяжело дышащий Ингвар.

— А я и не защищаюсь, — бесстрастно ответил Кащей. — Я увертываюсь. У тебя осталась минута, норвег.

Ингвар заработал мечом еще чаще, еще истовей. Да что толку? Тщедушный старец уклонялся от ударов с такой легкостью, словно его сдувало ветром. Ни разу еще Ингвар не встречал столь проворного противника.

— Время истекло, — произнес Кащей, едва на дно часов упала последняя песчинка. — Ты проиграл, норвег.

Голой рукой он выбил у Ингвара меч, резко подался вперед и впечатал витязю в лицо костлявую десницу. Тот замычал, задергался, но тощий старик оказался чудовищно силен. Едва коснулся висков подушечками пальцев — а сдавило словно кузнечными клещами!

Ингвар схватился за тонкое предплечье, потянул... но тут его руки обвисли. От ладони Кащейя заструился черный дым, глаза Ингвара закатились, кожа пошла пузырями... и через несколько секунд он опал гнилым трупом. Во все стороны хлынул ужасающий смрад, и даже иные Кащевы придворные брезгливо сморщились.

— Хек. Хек. Хек, — прозвучало под каменным сводом.

Книжник Бьярни стоял ни жив ни мертв. Ингвар Брюнбьёрнссон, его лучший друг, лучший воин среди всех, кого он знал... и вот так быстро погиб. Погиб от рук черного

колдуна. Выходит, не врал слухи, не врал легенды... хотя это стало ясно, едва Бьярни увидел эти боевые автоматы — дивиев.

— А ты зачем здесь, грамотей? — обратился к нему бесстрастный лик Кащей. — На богатыря не тянешь, оружия не имеешь. Зачем пожаловал?

— Я ученый, ваше величество! — собрал всю храбрость в кулак Бьярни. — Искатель знаний! Я составил компанию моему бесстрашному товарищу, поскольку многие годы уже собираю сведения о тебе и о твоём королевстве! В основном то пустые слухи, побасёнки, саги русов и хулительные ниды... но из них складывается довольно четкий образ... и вот я решил увидеть тебя воочию и задать тебе несколько вопросов. Если позволишь, конечно, — поспешил добавить он.

— Хулительные ниды? — переспросил Кащей. — Забавно. Хек. Хек. Хек. Ты весьма необычный гость для этих стен, грамотей. А я, что бы ни говорили обо мне злопыхатели, не убиваю своих гостей без причины. Только тех из них, что пытаются меня ограбить или убить. Эти сами напрашиваются на гибель, тебе не кажется? Но ты — дело иное. Я позволю тебе расспросить меня.

— Благодарю вас, ваше величество!.. — обрадованно воскликнул Бьярни... но Кащей поднял костлявую ладонь. Он еще не закончил.

— Однако ничто не дается просто так, — продолжил он. — Знания — это тоже ценность. Причем немалая. Если ты хочешь получить их от меня, ты должен быть готов дать что-то взамен. Что ты можешь мне предложить, грамотей?

Бьярни замешкался. Предложить ему было нечего. В кошеле найдется горсть монет, но вряд ли Кащей примет такую плату. Пожалуй, еще и рассмеется в лицо.

— Что я могу предложить тому, кто богаче всех на земле? — развел руками он. — Разве что свою голову — да только к чему она тебе?

— Голову, говоришь? — равнодушно глянул Кащей. — Ты прав, голова твоя мне ни к чему. Но я не откажусь побиться об заклад. Я позволю тебе задать три вопроса. Любых. Но только три, не более. Если хоть на один из них я ответа не сыщу — уйдешь отсюда под добру-здорову. Если же ответу на все три — расплатишься собственной головой.

— Договорились! — быстро ответил Бьярни. — Я отдам тебе голову. Но только голову, и ничего кроме нее.

— Срядились, — кивнул Кащей. — Задавай свои вопросы.

— Хорошо, — довольно потер руки книжник. — Вот первый. Я многое слышал о тебе, очень многое. Говорят, что ты живешь на свете уже тысячи лет, что ты бессмертен. Говорят, что ты черный колдун, что твой отец — йотун, слуга Хель.

— Многое говорят, — согласился Кащей. — Но я пока не слышу вопроса.

— А когда мы с Ингваром путешествовали по Гардарике, то слышали, что ты затеял войну с русинами. Затеял вторгнуться в их герцогства с огнем и мечом. Правда ли это?

— Чистая правда, — подтвердил Кащей. — Твой первый вопрос был очень легким. Каким будет второй?

— Второй вопрос тоже не будет труден. Я хочу знать — когда? Когда ты планируешь напасть на Гардарику?

— Этой весной, — ответил Кащей. — Едва спадет снег, мои орды двинутся на Русь и уничтожат ее. А затем мы двинемся и дальше — на земли урман, немцев и фрягов. Дойдем до самой Атлантики. Достаточно ли я ответил на твой второй вопрос?

— Вполне достаточно. Теперь выслушай третий. Зачем? Для чего тебе это?

— Чтобы уничтожить всех людей, — ответил Кащей и начал приподниматься с трона.

— Нет, погоди! — поспешил Бьярни. — Я спрашивал не о том и такой ответ не принимаю! Я хочу знать, для чего тебе уничтожать всех людей! Чего ради, для какой выгоды?

— Не для выгоды. Для безопасности.

— Для безопасности?.. — нахмурился Бьярни. — Но... что такого опасного в людях? Чем они хуже псоглавцев, людоящеров и других твоих подданных? Разве мы так уж злее их? Да и среди твоих же придворных тоже есть люди — хоть татаровья...

— Люди ничем не хуже любых других народов, — равнодушно ответил Кащей. — Не злее, не опаснее, не коварнее. Просто так вышло, что люди оказались многочисленнее их. Люди сжили со свету большую часть нелюдей, а немногих уцелевших — вытеснили в самые глухие углы. Мое царство — единственный уголок, где их все еще хватает.

— Ну так и что же? — пожал плечами Бьярни. — Пусть здесь и живут, здесь их никто не тронет. Разве тебе самому люди чем-нибудь угрожают?

— Сейчас — ничем, — согласился Кащей. — Сейчас люди еще очень слабы. Их жалкие потуги посягнуть на мою власть и богатство даже вносят некоторое разнообразие в обычную серость бытия. Но так будет не всегда. С каждым веком люди становятся все сильнее, забирают все больше земель. А я бессмертен. Я буду жить вечно. И если оставить все как есть, рано или поздно люди лишат меня всего, чем я владею. Нельзя позволять ядовитому змею вырасти и стать опасным — нужно раздавить его в зародыше, пока он только-только начал поднимать голову.

— Я понял твою точку зрения, — кисло произнес Бьярни. — Что ж... ты ответил на мои три вопроса...

— И в самом деле, — кивнул Кащей. — Должен сказать, если бы я был способен испытывать чувства, я бы испытал удивление. Мне думалось, что твои вопросы или хотя бы последний из них окажутся небывало сложными. Возможно, вовсе не имеющими ответа. Но ты просто спросил о моих планах на будущее. Не жалко ли отдавать за это голову?

— Жалко, — пожал плечами Бьярни. — Но я дал слово — я его сдержу. Забирай мою голову, Кащей...

Кащей взялся за рукоять Аспид-Змея. Но в глазах Бьярни сверкнул лукавый огонек, и он торопливо добавил:

— Но только голову! Голову свою я проспорил, но шею — нет! Поэтому не смей даже прикасаться к моей шее, иначе нарушишь слово!

На пару секунд Кащей замер, внимательно рассматривая хитрого книжника, пожал плечами и произнес:

— Что ж, твоя взяла. Я не в силах забрать у тебя голову, не тронув шеи. Так что я возьму только половину головы.

— Что?..

Мигом спустя свистнул страшный меч Кащея. Аспид-Змей ударил несчастного книжника в висок, отсек полчерепа точно бритвой. Послышалось жуткое хлюпанье — черный клинок жадно пил кровь.

— А другую половину можешь оставить себе, — закончил Кащей, обращаясь уже к трупу. — И шею тоже.

Разобравшись с незваными гостями, Кащей еще некоторое время занимался государственными делами. Кащеево Царство велико и обильно, забот у его царя хватает. То повесить кого-нибудь, то голову отрубить, то запытать мучительно... а когда-никогда и на все

четыре стороны отпустить. Редко, но тоже случается.

Явился Сам-с-Ноготь, старшина горных карлов, доложил про окончание работ над «Огненными щитами». Хорошие махины, многосильные. Кабы еще железа поболее — а то запасы уж дно показывают. Карлы Каменного Пояса металл шлюют плохо, жмутся. Не иначе Озем с Малахитницей их подговорили или запугали.

Кащей выслушал это равнодушно, повелел пока работать с тем, что осталось. Боевых махин Сам-с-Ноготь и без того наделал уж больше нужного. Пройдется Кащей по русским княжествам — снова будет с железом.

А Каменный Пояс... пусть пока стоит за спиной. Не годится еще и с Горным Хозяином сейчас ссориться. Тот и без того Кащеем озадачен — гадает, поди, для чего тот ключ-камень не забрал, ему оставил.

— Хек. Хек. Хек, — издал сухие звуки Кащей, вспомнив, что открылось ему в тот день.

Коснулось небозёма солнце. Где-то там, за дремучими лесами, люди стали укладываться спать. Но в Кащеевом Царстве стало как бы даже не веселее. Очень уж многие Кащевы подданные спят как раз днем, а живут ночью. Повылазили из могил упыри, выбрались откуда-то шуликуны, закопошились во мраке навьи.

Сам же владыка сих мест отправился в казну, на еженощное бдение. Заперся средь звонкого злата и принялся перебирать монеты, пересчитывать их с жадным блеском в очах. Сундук за сундуком, ларец за ларцом, скрыня за скрыней. Бесценные сокровища струились меж костлявых пальцев, падали обратно с тусклым звоном.

Здесь и сейчас Кащей ощущал себя почти живым. Только над своим златом он все еще испытывал какие-то человеческие чувства. Каждую ночь навевывался в эту святая святых — раз за разом, снова и снова. Никто не тревожил его во время этого корпения — разве что мизгирь-казначей шуршал где-то поодаль.

Однако сегодня что-то шло не так. Кащей ощущал какую-то... нехватку. Чего-то недоставало в обычном ритуале. Что-то было неправильно. Что-то совсем незначительное... мелкое...

А потом Кащей понял. Скрыня, в которой хранились номисмы царя Константина, весила меньше должного. Совсем чуть-чуть, на один-единственный золотник — но меньше.

Кащей скрупулезно пересчитал монеты. Быстро-быстро перебирая их меж пальцев, он приготовился уже произнести «тысяча четыреста семьдесят шесть», как произносил всегда, но...

— Тысяча четыреста семьдесят пять, — каменным голосом сказал он. — Тысяча четыреста семьдесят пять.

Он счел еще раз. И еще. Но и на второй, и на третий раз номисм оставалось только тысяча четыреста семьдесят пять. А это означало, что случилось страшное. Означало, что скоро прольется чья-то кровь.

— Кто-то украл мою монету, — скрючил пальцы Кащей. — Переверну леса и доли, но татя покараю.

Быстрым шагом Кащей покинул казну, пересек позлащенную галерею и вошел в свой заветный садик. Дивное место, малый кусочек острова Буяна. Здесь бессмертный царь хранил самые чудесные свои драгоценности — не злато, не самоцветы, но разные волшебные вещицы.

Здесь на цепи сидела амфисбена — ужасная змеюка о двух головах. Нет более надежного стража — пока одна глава амфисбены дремлет, другая бдит, стережет Кащево

добро.

А в злаченой клетке спрятала голову под крыло удивительная птица — с перьями ярче солнца. Ее Кащей изловил совсем недавно — и даже не сам Кащей, а соратники верные. Соловей Рахманович с коршунами на охоту ездил, свистом звериным сбил с небес диво в перьях, да и преподнес царю-батюшке.

Но ни до амфисбены, ни до Жар-Птицы Кащею сейчас дела не было. Он прошествовал к беседке с хрустальным столиком и положил сухие длани на огромное блюдо.

— Помоги, блюдце чудесное, покажи всех врагов моих, — произнес Кащей. — Покажи, кто злобу черную на меня затаил. Покажи, кто козни против меня строит.

Блюдце замерцало, засветилось. Сначала в нем побежали облака, отразилось закатное небо. Верно, Русь — в Кащеевом Царстве уже совсем стемнело, а в землях немцев еще только ужинать садятся.

Потом появились фигурки. Два... три... пять оборванцев с дрекольем, сидящие в кустах у дороги. Не иначе разбойники, путников подстерегают. На вид меряне.

Кащей впервые видел их рожи.

— Это отребье? — спросил он блюдце. — Чем же они мне грозят?

Но тут на волшебной картине появился кто-то еще. По дороге пронесся будто серый вихрь — да так быстро, что разбойники не успели даже вскочить. Только глаза повыпучивали.

И вот этот вихрь Кащей стал рассматривать очень внимательно. Теперь блюдце показывало уже только его. Рослого румяного парня о золотых кудрях и васильковых глазах, сидящего на огромном волке. Кащей сразу узнал обоих.

— Так вот кого ты мне показываешь, — произнес он вслух. — Середульний Волхович, кто бы мог подумать. Опять он. И меньшей Берендеич.

Конечно, Кащей ни на миг не заподозрил, что это княжич Иван с Серым Волком похитили его монету. Да и не до монеты ему уже было. Вдали от несметной казны Кащей оставила та болезненная алчность, что затмевала разум и лишала здравости мысли. Теперь уж он не придавал значения пропаже — подумаешь, одна номисма. Видно, выпала случайно, закатилась куда-нибудь.

А вот княжич верхом на оборотне точно заслуживают интереса. Вестимо, не просто так чудесное блюдце ему их показывает. Значит, нехорошее что-то эти двое против него замышляют.

— Куда же это вы так спешите? — сказал Кащей, пристально изучая картинку в блюдце. — На закат? А что там, на закате? Не в Новгород ли едете? А зачем вам в Новгород?

— Пошто сам с собой балакаешь, Кащеюшка? — прошамкали сзади. — Умом наконец-то рехнулся?

— Просто рассуждаю вслух, — безразлично бросил Кащей.

— Ну так я ж и говорю — умом рехнулся! Давно тебе пора было — вон ты какой старый да вонючий! Когда последний раз в байне был? Мож, истопить тебе байну-то? А то я мигом!

Одетая в лохмотья старуха вошла в беседку и тоже сунула крочковатый нос в блюдце. При виде Ивана и Яромира рожа бабы-яги перекосилась, пошла злобными морщинами.

— Фу, фу, фу!.. — прошипела она. — Ванька-дурак, да Волхово отродье!.. Век бы их видом не видывать, слыхом не слыхивать!.. Нашли-ка на них, Кащеюшка, пакость лютую, смерть им устрой неминуемую!

— Придется, — равнодушно подтвердил Кащей. — Не прислушались сыновья Волха к

предупреждению Жердяя. Продолжают воду мутить. Что ж, братья-оборотни, не хотелось мне вас убирать, да видно придется. Ясного Сокола я уже в темницу бросил, теперь Серого Волка черед.

— А что насчет Гнедого Тура, батюшка? — искательно заглянула Кащейю в лицо Яга Ягишна.

— О нем тоже позаботимся, — пообещал Кащей. — Но вначале — Серый Волк.

— Пошли за ним чудище какое-нибудь! — жадно оскалилась баба-яга. — Только не кого попало — этот песий сын не лыком шит, да и Ванька-дурак мастак мечом размахивать! Дурное-то дело нехитрое, ему как раз впору! Так что ты пострашнее кого пошли, поужаснее!.. Горыныча пошли!

— Нет, — отказался Кащей. — Горыныч слишком велик и громок, незаметно ему на Русь не слетать. Он и так воду взбаламутил, когда кота Баюна вызволял. Да и разыскивать их Горыныч долго будет. Другого пошлю, потише, да пошустрее.

— Это кого ж?

— Очокочи. Когда нужно кого изловить, он себе равных не знает.

Сопровождаемый кутающейся в собачью ягу старухой, Кащей спустился во двор. Там, как обычно, творилась кутерьма. Кто-то что-то волок, кто-то что-то грыз, кто-то с кем-то сворился. Двое псоглавцев что-то не поделили с крупным людоящером и залиvisto на него тьякали. Несколько горных карл понуро выслушивали отчитывающего их Сам-с-Ногтя. Из дальнего конца слышался оглушительный звон — то Горыня отвечивал Дубине щелчки. Братья-велеты играли в кости.

При появлении Кащейя все сразу замирало, стихало. Нелюди, нежить, нечисть и прочие страхолуды испарялись с пути своего царя, страшась помешать ему единым звуком. Только дивии оставались недвижимы, лишь чуть повертывая железные головы.

Дворов при Костяном Дворце несметное множество. Словно не дворец вовсе это, а малый городок. Изрядная толика Кащеевого войска разбила здесь стоянку. Хлевы повсюду, конюшни, псарни. Есть «псарне-конюшни» — там псоглавцы своих коней с собачьими мордами держат. Один двор, особо просторный, весь в распоряжении Змея Горыныча.

А Кащей прошел к замызганному, в кровавых потеках сараю. Оттуда доносились два голоса.

— М-ма!.. Мэ-мэ!.. Мммооо!.. — то ли рычал, то ли блял один.

— Кабы не было зимы в городах и селах, никогда б не мерзли мы... сука, да что ж так холодно-то?! — то ли напевал, то ли бранился другой. — На улице погода в любое время года паршивая такая, что просто подыхаю...

— Здравствуй, здравствуй, котище Баюнище!.. — сунула нос в сарай Яга Ягишна. — Как живешь-можешь, все ли поздорову?

— Изыди, бабка! — фыркнул огромный зверь, утирая окровавленную морду. — Не видишь, кот Баюн трапезничать изволит?!

Он и в самом деле жадно чавкал, уминая целую коровью тушу. Точнее, полтуши — вторую половину терзал жуткий страхолуд. Козлоногий, козлорогий, с торчащим из груди лезвием-полумесяцем. Это и был Очокочи — старый рикирал дак, топорогрудый сатир. Возможно, самый последний сатир на свете.

— Очокочи, — подозвал Кащей.

— Мэ-э-э-э-э-э?.. — поднял морду рикирал дак.

— Отправишься на закат, в Новгородскую землю. Там разыщешь волка-оборотня и при

нем человека. Убьешь обоих.

— Мэ-э-э-э!..

Рикирал так жадно принялся к воздуху. Прирожденный охотник, он мог найти кого угодно и где угодно. Мог идти по следу лучше любой собаки, преследовать добычу днями и седмицами.

Но... даже Очокочи нужно с чего-то начать. Новгородская земля очень большая.

Это он и сказал Кащей, издав долгую череду мемеканий.

— Сейчас они едут по землям мерян, — ответил Кащей. — На закате от Шексны, на полудне от Белоозера. Двигутся на закат — видимо, в Новгород. Там ищи их.

— М-мэ-э-мэ-э!.. Ме-мее!.. Ммо!..

— Лешие все уже спать легли. Если даже кто и припозднился — им сейчас не до тебя.

— Ммууу-ммэ?..

— Да. Вышлю тебе их в помощь. Они уж точно выследят.

— Ме, — коротко кивнул Очокочи, крюча когтистые пальцы.

— При человеке будет меч-кладенец. Доставишь его мне.

Кот Баюн прислушивался к этому разговору с небывалым интересом. Уразумев, что Кащей посылает козлочеловека не за кем иным, а за Ванькой с Яромиркой — чтоб им пусто было! — он торопливо сглотнул особо лакомый кус и вкрадчиво мяукнул:

— Дозволь, батюшка, и мне на охоту пойти! Уж пособлю дружку Очокочи, помогу людишек выслеживать! Заманю, заплету, замучаю!

— Мести жаждешь? — пристально глянул на него Кащей.

— Я кот, батюшка. Немыслимо для кота обиду позабыть. Я и на смертном одре всех перечислю, кто мне когда на лапку наступил. Кошачья память на такие вещи крепка.

Кащей на секунду задумался, а потом кивнул. И то, пусть Баюн тоже прогуляется, разомнет лапы. Не стоит недооценивать Серого Волка — вдруг да выйдет так, что одного Очокочи не хватит? Жердя с его лембоями княжич Иван да сын Волха одолели, истребили... и даже с Врыколаком каким-то образом совладали. А уж это чудовище было куда посильнее Очокочи...

Конечно, Кащей пошлет с Очокочи кметов, да не простых... но с верным товарищем всяко будет надежнее.

— Ступайте вдвоем, — произнес Кащей. — Да смотрите осторожней там.

Баюн издал довольное мурчанье, понижая опуская голову. Не хотел взглянуть Кащейю в глаза.

Он ведь так и не сказал ему, что открыл проклятому оборотню, где спрятано каменное яйцо. Неизвестно, что с ним батюшка Кащей за такую измену сделает. Надо избавиться от этих двоих, прежде чем Кащей узнает, что направляются они вовсе не в Новгород, а к самому острову Буяну...

Глава 2

В ушах Ивана свистел ветер. Прикрытые лисьей шапкой кудри обдувало морозцем. Грудень на исходе, скоро и студень явится. Первый снег уж выпал, землю белым припорошил.

Эх, а красота-то вокруг какая! Красотища! То лес, то поле, то речки берег! Просторы несказанные!

Зело велика ты, Русь, зело привольна! А княжеств на твоём лице — без счёту, и все под Рюриковичами! Черниговское, Смоленское, Полоцкое, Переяславское, Турово-Пинское — везде Рюриковичи сидят, везде мудро правят, по-отечески.

Под Рюриковичами и Тиборское княжество. Далекое, глухое, на самом рубеже Кащеева Царства, но славное, богатое и несказанно прекрасное.

Хотя до Берендея Вячеславича славным и богатым оно почитай что и не было — сплошь леса, топи, да где-то посреди затерявшийся городок Тиборск. Оно и самостоятельным княжеством-то многими не считалось — иные числили его куском Владимирского.

Но вот же вам шиш! Не был Тиборск под Владимиром, да и не будет! Ужо князь Берендей о том позаботился!

Славный был князь, великий. Четверть мог в одиночку выкушать. И сыновья у него славные. Умный Глеб, храбрый Игорь, да он, Иван... тоже славный княжич.

Пока только княжич, к сожалению. Хотя по лествичному праву Ивану уж давно положено не княжичем быть, а князем. А то Глеб по батюшкиной-то кончине, понятно, Тиборск занял, Игорю Ратич выделили — тоже добрый город. А ему-то, а Ивану?! Раньше, понятно, молодешенек был, но теперь-то уж повзрослел, взматерел! Отчего б не получить ему в удельное княжение тот же Кладень или Ярый? Чем он им не князь?

Иван у Глеба уж спрашивал о том, да тот отнекивался. Ни да, ни нет. А теперь уж, верно, и вовсе с меньшим брательником говорить не восхочет — после такой-то обиды...

Вспомнив о том своём глупом поступке, Иван аж вздрогнул. Эх, вечно у него все так, вечно не слава богу...

Яромир тем временем сбавлял ход. С самого утра борзопалый оборотень тащил Ивана на спине, притомился. Почитай, двести верст за день отмахал.

— Все, слезай, — наконец прохрипел он, поводя плечами.

Иван скатился с мохнатой спины сам и сбросил котому. Вторые сутки миновали, как они выехали из Тиборска. Вторые сутки Яромир землю ногами меряет.

— Ух, холодрыга смертная! — подул на ладони Иван, пока громадный волк кувыркался через голову.

— Хворосту набери, — велел Яромир, поднимаясь уже человеком. — Костер будем ставить. Поспим, животы набьем, а завтра до рассвету опять в дорогу.

— Куда спешить-то так? — поежился Иван, застегивая мятель. — Чать, не уйдет Буян на дно, пока добираемся... Да и Кащей до лета не стронется...

— Зато холодает с каждым днем все больше, — ответил Яромир. — Морозы с полуночи идут — лютые, страшные. Поспешать надо, не то нагонят. А нам еще в Новгород завернуть...

Пока разводили костер, совсем стемнело. Холодало действительно не на шутку. Яромир подвинулся ближе к огню, протянул руки. Оставшись без шерсти, он сразу стал мерзнуть. Из одежды на нем по-прежнему были все те же рубаха, гача и ноговицы — шапки нет, обуви нет.

Иван сердобольно глянул на товарища и достал из котомы теплое корзно.

— Лет десять назад зима такая же холодная была, — вспомнил он. — Ох и померзли мы!.. В кремле-то еще ладно, у печи, а вот Разбой, пес дворовый, чуть не околел с холоду. Без меня б точно околел.

— Без тебя?.. — приподнял бровь Яромир.

— Ну мне его жалко стало, я ему дров принес.

— Дров?.. И много?

— Полную будку напихал! — гордо заявил Иван. — Он потом даже влезть в нее не мог!

— Ишь, какой ты добрый, — усмехнулся Яромир, подкидывая в костер еще ветку.

Достали харчи, поснедали. Ужина княжичу с оборотнем выпала незатейливая — аржаной каравай, пара луковок и кусок колбасы из свиного хребта. Каравай еще мягкий, духмяный — только днесь купили в придорожной корчме.

Иван взялся резать его прямо мечом-кладенцом, но Яромир укоризненно на него глянул и достал нож. Пластуя хлеб ломтями, он задумчиво говорил:

— Завтра, чаю, уже по Новгородской земле побеем. А послезавтра, даст Род, в Новгороде будем. Край — слепопслезавтра.

— Лучше послезавтра, — грустно сказал Иван. — Неохота опять в чистом поле ночевать. Вчереась, вон, хоть на мельнице спали... Все лучше, чем так.

— Здесь мельниц нет, — развел руками Яромир. — Тут места дикие еще, народу почти не сыскать. Вот разве чуток на полудень скит монашеский...

— Что за скит?

— Троицкий монастырь. Шестьдесят годов назад явился из Киева монах Герасим, устроил на Кайсаровом ручье обитель...

— Может, дойдем, ночевать попросимся? — оживился Иван.

— Мне в монастырь чего-то неохота — чернецы оборотней не любят...

— И чего это они вдруг? — хмыкнул Иван.

— Да поди разбери.

Иван вздохнул, деля ботербород из хлеба, лука и колбасы. Не очень ему нравилось такое кушанье.

— Ты не подумай, я ничего, я не капризный, — заверил он, поймав насмешливый взгляд Яромира. — Просто я все ж таки княжич, мне вот так вот ночевать-то невместно. Княжич должен почивать в теплой постеле, у теплой печи, с теплой девкой под боком. А тут жестко, холодно, сыро, волки воют... кстати, чего это они так развылись?..

Вой и впрямь доносился громкий. Настырный такой, злющий. Иван невольно положил длань на рукоять Самосека.

— Это они меня чуют, — угрюмо ответил Яромир. — Недовольны, что на их угоды забрел. Ругаются. Прочь гонят. Угрожают.

— Тебе?! — поразился Иван. — Ты ж сам волчара!

— Волки тоже оборотней не любят... — вздохнул Яромир. — Тяжко быть между — для людей я волк, для волков человек... Ни в городе Богдан, ни на селе Селифан. Нигде мне не рады, везде чужак...

Иван поежился, боязливо поглядывая на чернеющую стену леса. Они с Яромиром остановились на опушке, прикрывшись деревьями от холодного ветра. К восходу поблескивала водная гладь — один из малых притоков Шексны.

— А к нам они не сунутся? — спросил княжич.

— Не сунутся. Волки оборотней не токмо не любят, но и остерегаются. Знают, что ко мне лучше не лезть.

Яромир ослабился, и в его небритой ехидной роже проступило что-то волчье. Ивана снова передернуло — он уж давно по привычке к такому товарищу, не страшился его ничуть, но порой все же екало внутри.

— А что холодно и грязно — это уж извини, мамки с няньками дома остались, — ухмыльнулся Яромир. — Да и путь впереди еще неблизкий.

— Да я что, я ничего, — сердито ответил Иван. — Я, чать, и до тебя, бывало, по лесам да полям странствовал, да без мамок с няньками. Помнишь, как я тебя из капкана-то освободил?

— Мудрено забыть, — склонил голову Яромир. — Спасибо тебе на том.

— Вот! Я ж тогда из Тиборска в Ратич ехал — да один, без сопровождения! Просто вот взял, оседлал Сивку, да и поехал! Сам по себе!

— Молодец какой, — похвалил Яромир.

— Еще б не молодец! — подбоченился Иван. — Я, да будет тебе ведомо, не токмо ликом красен, да телом статен — мне похвалиться много чем есть!

— Ишь как. И давно ли?

— С самого рождения. Родился я всем хорош, всем пригож! По локти в серебре, по колено в золоте! Все отрочество как сыр в масле катался! Скажу, бывало, батюшке аль матушке — хочу того-то!.. так сей же час все и получаю!

Глаза Ивана затянуло мечтательной поволокой — вспомнилось счастливое беззаботное детство. Яромир хмыкнул — насмешливо, но и с легкой завистью. Его батюшка, Волх Всеславич, оставил подлунный мир, когда Яромиру было неполных пять лет, и он его почти не помнил. Так, смутные образы — раскатистый смех, поднимающие к небу огромные руки, колючая щетина, трущаяся о гладкую детскую щечку...

Вот братка Бречислав помнит поболее — он старше на три года. Зато Финист вообще ничего — тризну отца он встретил двухлетним несмышленишем. Ну а сестренка... здесь на лицо Яромира набежала тень.

Совсем уже стемнело, небо звездами усыпало. Только малый костерок и сверкал на заснеженном поле искоркой. Яромир лежал на земле, завернувшись в корзно, Иван все еще что-то лениво жевал.

Ясно сегодня, ни облачка. Только на восходе легкая дымка. Вот черноту прочертило лучистой полоской, исчезло у самого небозема...

— Ангел за душой усопшего полетел... — протянул Иван, глядя на падающую звезду.

— Или Змей Горыныч на лету облегчился, — добавил Яромир.

— Что-то у тебя версия гадкая какая-то. Моя лучше.

— Знамо лучше, — согласился Яромир. — Эх, а вызвездило-то как... Ночью мороз будет.

— Правда? — огорчился Иван. — Откуда знаешь? Ты ж не провидец!

— Не провидец. Но и не слепой. Вон как Конь на Приколе мерцает — верная примета, к заморозкам.

Иван попытался найти указанное созвездие. Не нашел. Про Коня на Приколе он слышал, но как тот выглядит — не помнил.

Зато Иван нашел Стожар-звезду — она в форме ковшика. А вон там Утиное Гнездо. А те три звездочки — братья Кигачи, что ездят по небу на колесницах.

Больше Иван звезд не знал. У матушки его, премудрой княгини Анастасии, книжки были важные, Шестоднев и Звездочтец — вот в них все было подробно обсказано. Когда Иван еще малой был совсем, матушка порой брала его на коленки, да читала из тех книжек — где какая звездочка посажена, да что она пророчит.

Только Иван почти все с тех пор позабыл — матушки-то уж двенадесятый год на свете нет. Всего-то девять годочков было Ванюше, когда преставилась. Батюшка тогда горевал сильно, тосковал. Повторно так и не женился, до смерти вдовел.

— ...Грамоте меня научили, то слава богу, — рассказывал княжич Яромиру. — Глагольной. Счету еще... до двух дюжин. На пальцах и костыми. А прочих ученостей всяких я не постигал — неумок потому. Меня учить — что рыбу в бочке топить: проку нема, одна маета.

— Так ли уж и нема? — усомнился Яромир.

— Да вот сам посуди. У Берендея Вячеславича, батюшки нашего, три сына было. Из тех, что до усов достигли, конечно. Глеб, Игорь, да я сам-третей. Глеб всегда из нас наиперший был. Такой умник-разумник, что иногда аж врезать ему тянуло. Батюшка с матушкой на него не нарадовались. Игорь тоже их радовал, но поменее. Так и сяк он был — вроде и ничего себе, а... и ничего особенного. Просто человек как человек — боярин хороший мог бы быть, а в князья не годился. Урожденный князь у нас Глеб. Ну а я-то... я что, я ничего. Мне даже матушка завсегда говорила — ты, Ванюша, у меня от природы глупенек, так и не учись всяким премудростям, а то совсем от них одуреешь. Я и не учился. По своей воле. Ан по чужой иногдажды и приходилось, потому батюшка у нас суров был, всех троих сынов хотел в люди вывести.

— И чему ж тебя обучили? — заинтересовался Яромир. — Только грамоте и счету?

— Еще воинским умениям. Княжескому сыну без этого никуда. Помню, подходит ко мне, малому еще, воевода Самсон и молвит человеческим голосом — буду тебя, Ванька, на мечях биться учить. А я ему в ответ — лениво мне, дядька, не хочу.

— А он что?

— А он промеж ушей меня стукнул. Воевода Самсон нам, отрокам, заместо тятки родного был — чуть что не так, сразу подзатыльниками угощает. По-доброму, по-отечески.

— Так тумакими и выучил? — одобрительно спросил Яромир.

— Ну а куда ж без этого... Зато уж ладно выучил, в богатыри вывел. Вон я теперь какой, крепкий да могутный...

Широко зевнув, Иван потер глаз кулаком и промямлил:

— Потом меня еще поэзии учили... Гехзаметру...

— Иди ты, — не поверил Яромир. — Так таки и поэзии? И многому выучили?

— Да уж немалому. Талан во мне еще в детстве прорезался. Помню, подходит ко мне, малому, матушка, да и говорит — а придумай-ко, Ванюшка, рифму к слову «пирожок». А я ей, прямо даже не задумываясь, сходу: пирожок — язык обжег! Тогда-то и поняли родичи, что поэт в семье растет...

Иван зевнул еще шире. Яромир вдруг заметил, что он до сих пор странным образом возится с остатками колбасы. И зачем-то достал из котомы пузырек, подаренный волхвом Всегневом. Оборотень прищурился, приняхался и подозрительно спросил:

— А ты что там делаешь?

— Да вот, хочу еще одно молодильное яблоко соорудить, — охотно поделился Иван. — Только яблока у меня нет, так я молодильную колбасу сделаю.

— Чего-чего ты сделаешь?! — вскочил Яромир. — Ты... это же живая вода! Ты на кой ее туда вылил?! Ну ты... ты... как есть дурак!

— А что?! Яблоко молодильное — вещь полезная!

— Так оно же не так создается! Его еще семечком поливать нужно! А ты просто внутрь напхал... да еще и в колбасу!

— А вдруг и так получится!

— А вдруг нет?!

— А вдруг да?!

— Ну и что тогда?! Кому ты эту колбасу ладишь — себе или мне?!

Иван озадаченно почесал в затылке. И то сказать, молодильная колбаса ему еще долго не понадобится. Он обиженно осмотрел результат своих трудов, завернул в тряпицу и спрятал в котому.

— Бес попутал... — пробубнил он, виновато глядя на Яромира.

— Бес... Зря только живую воду извел... — проворчал тот, выхватывая почти опустевший пузырек.

— Да ничего, там еще осталось немножко...

— Немножко. На один разок. Одну рану заживить. А было б на три, на четыре. Дурак как есть, разбазариваешь ценный припас...

Костер уже почти потух. Раздосадованный, что сызнава сотворил глупость, Иван завернулся в теплый мятель, подложил под голову кулак и закрыл глаза. Сон, правда, все равно не шел. Голову распирало от думок. О родном княжестве, о древних временах, о их с Яромиром пути на остров Буян...

И о Кашее Бессмертном. О нем Иван размышлял особенно упорно. Вспоминал сказ деда Бояна, ломал голову над каждой строкой. Крепкой памятью молодой княжич похвастаться не мог, но вот именно эта песня почему-то в нее врезалась.

— Слушай, а я вот тут подумал... — произнес он. — Кашей — он бессмертный, верно?

— Вроде так, — ответил Яромир.

— А если ему руку отрубить, что будет?

— Новая вырастет.

— А если ногу?

— То же самое.

— А голову?

— Голова новая вырастет.

— Ага... — задумался Иван. — А вот если исхитриться и разрубить Кашея точно пополам? Вдоль. Чтоб были две одинакие половинки. Тогда как?

— У-у-у... а вот это трудный вопрос...

— Может, он тогда все-таки помрет?

— Может, и помрет. А может, наоборот, из каждой половинки другая вырастет. И будет у нас два Кашея.

— Так это ж тоже хорошо! — оживился Иван. — Они ведь тогда наверняка передерутся!

— А ну как не передерутся? Ну как подружатся, да вместе на нас и накинутся?

Иван что-то невнятно пробурчал, прижимая к себе покрепче Самосек. Задумка ему все одно понравилась. Если с иглой в яйце не получится — надо будет проверить, что из нее выйдет.

Только вот как бы этак исхитриться, чтобы разрубить точно пополам?

Через несколько минут он наконец задрях. Над полем поплыл раскатистый храп здорового молодца.

Яромир же, будучи оборотнем, спать не хотел вовсе. Человечья-то личина в досталь отдохнула, пока волчья княжьего сына на хребтине везла. Так что он уселся спиной к еще тлеющим угольям, закутался в теплое корзно и уставился желтыми глазами во мрак.

В лесу по-прежнему были волки.

Тоскливо было Акъялу. Славный батыр, победитель многих, уже два месяца он томился в зиндане Кашей-бабая. С болью в сердце вспоминал свой срам, свое быстрое поражение. Вспоминал, как разлетелся вдребезги булатный меч, как голыми руками скрутил его черный колдун.

Эх, были бы здесь Урман и Тау... Не так они хороши в битве, как старший их побратим, дважды Акъял выручал их из беды, а вот наоборот не случилось... но все же батыры они добрые. Уж верно втроем они бы что-ничто, а придумали.

Снаружи хлестал ливень, было холодно и мокро. Первые дни Акъял старался выломать решетку на окне, да понял со временем, что не удастся. Очень уж прочные прутья.

А даже если выломает — дальше куда? Стена гладкая, отвесная, внизу камень. Зацепиться не за что, падать высоко. Была бы веревка хоть — так ведь нет веревки.

В дверь стукнули, раздалось рявканье. Акъял быстро уселся на лежанку — запомнил уже, как себя вести.

Его камеру стерегут псоглавцы. Целыми днями расхаживают по коридорам — нюхают, рычат, как собаки.

Злые они. Акъял поначалу не знал, насколько, думал вырваться — одолели, избили, да еще и покусали. Ноги изгрызли, руки изгрызли... Долго болело потом, глубокие рубцы остались.

В саму камеру псоглавцы не зашли. Никогда не заходят. Как обычно — приоткрыли дверь, швырнули на пол сухую лепешку, кусок вонючей казы, плеснули воды в кувшин, прорычали что-то на своем песьем и вышли.

Акъял расплел ноги, понюхал казы, поморщился. Сильно старый мерин был.

От стены раздался шорох. Опять крысы. В Костяном Дворце их полным-полно. Да здоровые, кусачие!

Акъял вырвал клоч пакли из лежанки, взял черепок от прежнего кувшина, разбившегося, и уселся у стены. Крысу надо убить, нору законопатить. Иначе придет, когда Акъял будет спать, из него самого клоч вырвет.

Так ждал он не одну минуту. Шорохи становились все громче, все ближе. Вот совсем громко... и в стене появилась дырка!

Акъял приготовился, замахнулся черепком... но в последний миг замер, ахнул изумленно. Из дырки высунулась не крысиная морда, а человечесья рука. Грязная ужасно, с обломанными ногтями, но точно человечесья.

— Ау, кто там?.. — негромко позвал Акъял.

В ответ донеслось только шепуршение. На глазах узника дырка еще расширилась, сыпля во все стороны каменной крошкой. Вот уже достаточно, чтобы человеку пролезть...

В зиндан протиснулась чья-то голова. Волосы как солома, усишки тоненькие, нос крючком. Акъял смерил гостя подозрительным взглядом, но подал руку, помогая пролезть. Кем бы он ни был — все человек, не нежить Кашеева.

— Это восьмая камера? — сипло спросил пришелец.

— Нет, пятнадцатая, — ответил Акъял.

— Бесово семя, опять промазал... — сдавленно ругнулся гость.

— А зачем тебе восьмая?

— Если я все правильно рассчитал, восьмая угловая должна быть.

— И чего?

— У внешней стены.

— И чего?

— Оттуда наружу прокопаться можно.

— А-а-а... А можно с тобой?

— Можно. Только передохну сначала, — влез в камеру целиком пришелец.

Был он худ, изможден. Похоже, кормили его даже хуже, чем Акъяла. Тяжело дыша, он жадно таращился на лепешку и казы.

Акъял, тоже голодный, молча протянул пришельцу свой обед. Тот в один глоток сожрал сразу половину и виновато пробурчал:

— Три дни уж во рту ни крошки...

— Вот бедолага, — посочувствовал Акъял. — Видать, осерчал на тебя Кашей-бабай.

— Да и не говори. Повезло, что я жив все еще. Ты, друже, кто сам будешь-то?

— Акъял-батыр зовусь, — гордо представился егет. — Слышал, может?

— Как не слышать, слышал. Это же ты птице Самруг-кош помог, птенцов ее спас?

— Я он самый и есть, — невольно подбоченился Акъял. — Только ты откуда о том прознал? Там никого не было, никто не знает.

— Птица знает. Она мне и сказала. Меня Финистом звать, — назвался чужак. — Финист Ясный Сокол. Слышал, может?

— Слышал, как не слышать! — покивал Акъял. — Тоже много немало ты сделал. Побратаемся, Финист-батыр?

— А чего ж не побрататься-то с хорошим человеком? — ухмыльнулся Финист.

— Славно, — кивнул Акъял. — Давай кровь смешивать. Есть что острое? Чем нору копал?

— Перьями, — непонятно ответил Финист.

— Какими еще перьями?

— Собственными перьями.

Русский показал Акъялу несколько странных лезвий на тонких палочках... и вправду словно перья. Но при этом острые и прочные, будто из стали.

— Где взял такие ножи? — подивился Акъял.

— Говорю же — перья то мои, — поморщился Финист. — Из крыльев повыдергивал. Стачиваются только быстро очень, а новые в один присест не вырастишь... Кабы хоть кормили, а то ведь и того нет...

— Ва! Это что ж, правду говорят, что ты человек-птица, Финист-батыр?! — поразился Акъял. — Я-то думал, вру... преувеличивают легонечко. Ну про всех же батыров чуть-чуть преувеличивают...

— И про тебя тоже?

— Не, про меня нет. Про меня только чистую правду говорят. Палец дам на отсечение.

— Ну и про меня — правду. Почти всегда.

Дожевав казы, Финист принялся мерить стены пядями, бормоча что-то вполголоса. Акъял внимательно смотрел на него, сложив руки на коленях. Его очень обрадовало новое знакомство, а в груди впервые за два месяца поселилась надежда.

— Ты у двери постой, ладно? — попросил Финист. — Нехорошо будет, коли стража меня тут найдет...

— Спокоен будь, Финист-батыр, — заверил Акъял. — Делай, что нужно, я постерегу.

Измерив всю камеру, Финист присмотрелся к окну. В его камере окон не было совсем, а вот у Акъяла одно имелось — хоть и совсем крохотное, забранное толстыми решетками. Руку не просунуть — палец разве.

Но Финист пока хотел не выбраться, а только осмотреться. Понять, что там снаружи, каким путем лучше бежать. Так что он грянулся телом об пол и вспорхнул уже соколом в золотистом оперении. Зревший это башкир восхищенно присвистнул.

В птичьем облике фалколак тоже не мог протиснуться. Он поточил клюв об один из прутьев, убедился, что тот изрядно прочен, и принялся разглядывать большой двор внизу.

Зорче сокола птиц немного — видел он каждую букашку так ясно, словно рядом с ней стоял. Слышал вот похуже, но Финист был ловок и по губам читать.

Особенно когда губы такие огромные. Сугубое внимание Финиста привлекли три громадные фигуры. В каждой — по две сажени, да еще шеломы высокие, луковками. Один с топором, другой с мечом, третий с дубиной. Стоят у коновязи, лясы точат. Лошадь, что рядом привязана, косится со страхом — для таких дылд она и за пони не сойдет.

Горыня, Дубиня и Усыня. Возможно, последние на свете живые велеты.

Когда-то на Руси жили не только велеты, но и асилки — тоже великанский народ. Первые были помельче, да зато поумнее. Вторые поздоровее, да зато глупы, как полено. Асилков до наших дней не дожило совсем, а вот велетов чуть-чуть осталось. Одна-единственная веточка, три брата-великана.

А баб велетских не осталось вовсе, так что новых уж не появится. Разве что полукровки, вроде Соловья Рахмановича.

Ходят слухи, что эта последняя веточка — не совсем и велетская. Вроде как согрешила не то бабка, не то даже и matka Горыни, Дубини да Усыни с последним асилком — оттого и глупы так эти трое.

По Руси они побродили немало, немало натворили всякого. В основном дурного, но были и добрые дела — хотя тоже все как-то невпопад, через пень-колоду. И в конце концов осели у царя Кащей под рукой.

Близ двухсаженных велетов суетились фигурки помельче — татаровья, людоящеры. Великий набег готовит Кащей, исключительный. За всю историю его царства не бывало еще таких. Финисту кровь из носу нужно было бежать из узилища, вернуться к Бречиславу, рассказать о увиденном и услышанном.

О самом-то набеге, конечно, на Руси уже знают. Кащей сам позаботился, чтоб все о нем знали. Чтоб со страху портки обмочили. Он вообще рассчитывал, что взбешенный князь Глеб соберет дружину, бросится мстить за убиенного брата и разрушенный Ратич. Ну а Кащей его здесь легко разобьет и пойдет на уже беззащитный Тиборск.

Но здесь по его не вышло. Спасибо братцу Бречиславу — разгадал Кащеевы козни, отговорил князя от неумной атаки, присоветовал дома сидеть, оборону усиливать.

Теперь Кащей выступит чуть позже, чем собирался. И воевать ему будет чуть труднее.

К сожалению, именно что чуть...

А вот открываются ворота. Огромные, дубовые, на чугунных петлях. И во двор выходит... здесь Финист прильнул к прутьям особенно жадно. Сам царь Кащей ведь во двор выходит, не кто-нибудь!

Видать, гости непростые пожаловали...

Обок него не то шествовали, не то струились две девки... бабы... старухи... непонятно

кто, но женского рода. Финист при виде них пожегся, перья встали торчком. С этой нечистью он бы не пожелал встретиться и врагу.

Справа — Моровая Дева. Старшая из сестер Лихорадок. Сейчас она пребывала в облике юной красавицы и выглядела совсем человеком. Только несказанно бледная кожа и бездонные черные глаза говорили — не человек то, но тварь нечистая, Навью рожденная.

Но она хоть выглядела пристойно. У той, что слева, и того не было. Коровья Смерть, безобразная клыкастая старуха с непомерно длинными руками-граблями. Моровой Деве она стрычка, тем же делом занимается, на той же ниве трудится. Только морит не людей, а скотину.

Кашею обе страхолюдки угодливо кивали, выслушивали наставления. Опять, видно, пошлет их куда-нибудь...

Но тут уже ворота открылись совсем, и во двор принялись въезжать... или входить?.. Очередные чудища, что явились в Костяной Дворец, были четвероноги, но с руками, словно вещей Китоврас. Кожа чернушная, глаза огнем горят, в руках пики острые.

Было их всего две дюжины, но сразу видно — вои добрые, таких много и не нужно. На подпругах... или на поясах, как уж это у них называется, у каждого висели отрубленные головы. Впереди всех ехал вожак — всадник в белом плаще на хромом коне. Тоже с пикой и отрубленными головами, но человек, не бес-китоврас.

— Ты все-таки откликнулся на мой призыв, — сухо произнес Кашей. — Хотя я уже не рассчитывал — думал, ты уже покинул этот мир.

— Собирался, — гулко ответил всадник. — Великому Тодору больше нечего здесь делать. Но я и моя дружина решили в последний раз тряхнуть стариной. Мы потешимся, убивая смертных, а потом уйдем окончательно.

— Хорошо, — кивнул Кашей. — Жаль, что ты не привел все войско, но мне хватит и твоих отборных гридней.

— Мое войско уже там, — неопределенно махнул рукой Великий Тодор. — В мире бескрайней степи и колышущихся трав. И должен сказать, я не понимаю, отчего ты сам не поступишь так же. Этот мир потерян для инаких, это уже очевидно. Почему просто не уйти, Кашей? Миров много. Народы фейри давным-давно ушли в свой Тир-Нан-Ог по Прямому Пути. Каджи уходят в Каджети. Они и тэнгу — в Хорадзиму. Тролли и турсы — в Похьёлу. И мой народ тоже ушел. Пошли с нами, Кашей.

— Нет, так не будет, — покачал головой бессмертный колдун. — Я не уйду.

— Но почему?

— Если мир чем-то плох, слабый идет искать для себя другой, а сильный исправляет тот, что есть. Я исправлю этот мир, Великий Тодор.

— Ну попробайся, попробайся... — с сомнением в очах произнес тот.

Финист почувствовал, как под перьями холодеет. Великий Тодор! Неужто и он тоже встал под руку Кашея?

Сам Финист этого демона раньше не встречал. Не встречали его и братья, Бречислав с Яромиром. Давно уж очень не показывался Великий Тодор на Руси — как бы не сотню лет.

Зато вот батюшка их, Волх Всеславич, его встречал. Даже, было, сражался. Ни тот, ни другой верх не взял — а это уже о многом говорит. Немного на свете тех, кто мог биться на равных с самим Волхом.

Хорошо хоть, при Великом Тодоре только малая дружина...

Финист охотно бы смотрел и дальше, да Акъял подал знак. За дверью слышалось

приглушенное рычание — псоглавцы учуяли что-то не то.

Сокол-оборотень спрыгнул с окна и юркнул в дыру. Акъял за его спиной тут же напихал туда пакли.

— Завтра снова загляну, дожидай, — прошептал Финист товарищу.

В замке уже скрежетал ключ.

Идя по Новгороду, Иван только и успевал вертеть головой. Ох и город же, ох и громадина!.. Даже больше Тиборска! Тьмы четыре народу, никак не менее! Кругом палаты каменные, улицы мощеные, люд богатый!

В Великом Новгороде Ивану раньше бывать не доводилось. Он вовсе из княжества выезжал пока только один раз — этой же осенью, во Владимир, со свадебным поездом. А Новгород — из всех русских городов самый особый. На закате стоит, к нурманам лицом повернут, испокон веку с ними дело ведет. Немало в Новгороде такого, чего в остальной Руси и не сыщешь.

Один только торг новгородский чего стоит. Вон как выряжены все богато, да пышно. Словно холопей в здешних концах вовсе нет — одни князья да бояре. Куда ни поглянь — важный дядька ступает, охабнем мостовую метет, аль боярышня молодая черевиками постукивает, глазками постреливает.

Яромир шагал молча, чуть насмешливо поглядывая на разинувшего рот княжича. Сам он в Новгороде бывал уже многожды, со многими был знаком. Сейчас вот пройти Плотницкий конец, перейти по мосту — и будет большое торжище. Там Яромир собирался кое-чего прикупить, да кое с кем побалакать.

Ивана он старался из виду не выпускать. Ему только дай потачку — живо дурь выкинет. Все деньги спустит на дребедень, девицу невинную попортит или просто нажрется до зеленых риз. Яромир иногда удивлялся, как Иван дожил до зрелых лет, с такой-то пустой головой.

Вот, прямо сейчас поотстал малость, к церквушке какой-то пристроился. Яромир заподозрил скверное, хотел уж было одернуть, да заметил, что Иван, высунув язык, мерекает на беленой стене писульку. Яромир бесшумно зашел ему за спину, прочел: «Спаси господи», и неопределенно хмыкнул. Ладно уж, пускай — всяких каракуль тут и без Ивана не счесть. Люд в Новгороде поголовно грамотный, а вот воспитания иным не хватает.

И сброда всякого вдосталь. У дверей церквушки подвывала нищенка-оборванка, суетился юродивый мальчишечка, брэнчал на гусях слепой старичок. Сердобольный Иван выудил три медных веверицы, роздал убогим, приговаривая:

— На те, небоже, что нам не гоже...

На торжище Яромир внимание удвоил. Новгородский торг вдвое сильнее тиборского — тут и бывалому волколаку ухо остро держать, не то что княжичу стоеросовому. Повсюду шум, гам, каждый так и норовит объегорить, а то просто кошель срезать. Руку протяни — в беду упрешься.

А Иван ни о чем таком не думал. Он просто глазел. Гомон вокруг стоял — и-и!.. Все что-то покупали, продавали, торговались или просто кричали.

Говор у новгородцев непривычный, чудной. Вроде и по-русски говорят, как все, а вроде и как-то не так. Цокают, «г» странно произносят...

Глаза от изобилия разбегались. Каких только диковин нет на новгородском торжище. Вот, например, берестяной прилавок — туеса, тарели, кружки, сундучки. Искусно расписаны, раскрашены — и ни капли клея. Руки у Ивана так и потянулись, так и примерились.

А вот бусы стеклянные, на поташе сваренные. Хороши, красивы! Всех цветов, всех

оттенков! Тут тебе желтые и зеленые, красные и синие, оливковые и фиолетовые, бирюзовые и коричневые! Такие бусы какой красавице на шею повесить — враз еще краше станет!

А рядом — смотри-ка! — колокольчики! Мал-мала меньше! Совсем как настоящие, что на звонницах висят, только крохотные, пальцами взять можно! Самые большие годятся коню в сбрую повесить — с перезвоном чтоб ездить, с переливами хрустальными!.. Ну а самые малые — это только детям играть... хотя тоже дело.

А вот мед! Хорош новгородский мед, вкусен, сладок! С ягодами есть, с орешками! Разложен по тем же берестяным туесам — в них он особенно духовит. А если взять еще и пряник, да в мед обмакнуть... у Ивана аж слюни потекли.

Благо следующей на глаза попалась малая корчмарица. В Новгороде такие на каждом перекрестке. Иван нашарил сребреник и торопливо попросил:

— Мне большой квас, шкварки, двойной драник со сметаной и леденец-петушок!

— Здесь снестать будешь, молодец? — осведомилась корчемная прислужница.

— Нет, с собой.

— Два больших кваса, — поправил Яромир, вынырнувший будто из ниоткуда. — И плюшку со шкварками.

Иван покосился на оборотня с легким испугом. Тот всегда так внезапно возникал... и так же внезапно исчезал. Словно шапку-невидимку за пазухой прячет.

Набив брюхо, Иван только разохотился к покупкам. Заполучить хотелось решительно все!.. И вот этот колокольчик!.. и печатный пряник!.. и глиняну свистульку!.. и бусы желтые, из честна камня илектрона!.. и крест нательный, серебряный!..

Разгоряченный Иван замер перед лотком с иконами. Ох, красота!.. Лики расписанные, будто живые, сейчас заговорят!..

— Вот эта почему? — ткнул княжич в маленькую иконку Иоанна Воина, своего крестильного святого. — Покупаю!

— Покупать-то ты, может, и покупаешь, да я не продаю, — строго ответила старуха-лоточница.

— А... а почему?! — разинул рот Иван. — Чего ж ты стоишь тут тогда, коли не продаешь?!

— Продавать не продаю, а вот обменять могу, — сказала лоточница.

— Обменять?.. а... а на что?..

— А на деньги. Я тебе икону, а ты мне три марки кун.

Иван озадаченно захлопал глазами. Старуха поджала губы, покачала головой и наставительно произнесла:

— Нельзя иконы покупать, молодец. Оскорбительно сие для святого образа. Только подарить можно или поменять на цто-нибудь.

— Ага, ясно, — кивнул Иван, делая вид, что все понял.

Взгляд у него при этом был глупый-преглупый.

Яромир тоже негромко торговался. Несколько сребреников переменили хозяина, а оборотень сунул за пазуху расшитый золотом узорчатый платок. Заметивший это Иван наморщил лоб — кому это Яромир такое берет? Не себе, это точно.

Попутно волколак о чем-то или о ком-то расспрашивал. До Ивана доносились отдельные звуки — вроде чье-то имя. Отвечали Яромиру не то чтобы неохотно, но как-то испуганно, словно расспрашивал он о том, о чем в приличном обществе не говорят. Пару раз торговые гости даже сплевывали на землю — да с таким отвращением, злобой!..

Время перевалило за полдник, самый пик торжища остался позади. Кое-кто уж потихоньку сворачивался, перекладывал товары в носильный короб или возок. Народ разбрёдался по домам.

— Эй, эй, а ну, не стой на дороге-то! — донесся чей-то недовольный голос. — Отойди, борода, не видишь — сам я иду!

Иван обернулся и завидел здорового детину, шагающего так, словно сему торгу он нераздельный хозяин. Широкоплечий, щекастый, кудрявый, а уж рожа до того наглая, да сытая!.. Не иначе, боярин какой... хотя скорее боярский сын — для боярина слишком уж безбород. Так, щетина длинная.

Или, может, тоже княжич?

Хотя одет не по-княжески. Да и легко слишком, не по погоде. Только сапожки расписные, да белая рубаха с петухами. А на поясе — увесистый кистенек.

Шел детина во всю ширь улицы, только и ища, кого бы толкнуть плечом. Народ с его пути спешно расступался, в глаза старались не глядеть. Красные девки на глазах становились еще краснее и отворачивались, прикрывая руками филейные места.

На Ивана детина даже не глянул. А вот возле Яромира приостановился, гэкнул и дурашливо поклонился:

— Гой еси тебе, добрый молодец! Как звать-велицать?

— Здрав будь, боярин. Яромиром прозываюсь, — спокойно ответил оборотень.

— Славное имецко, прямо княжье, — цокнул языком детина. — А есть ли у тебя, Яромир, кисет со скифским зельем? Не угостишь ли?

— Не балуюсь этим, боярин, и тебе не советую. Бесовская привычка.

— Так, может, ты мощной богат? Не поделишься ли с хорошим целовеком?

— С хорошим — отчего ж и не поделиться? Только где же он? Что-то не зрю таких, — начал озираться Яромир.

— Цего-о?.. — повысил голос детина. — Ты пошто дерзкий такой? Страх потерял?!

— Страх я с рождения не ведал, боярин, — негромко сказал Яромир. — Не приучен бояться всякого сброда.

— Эй-эй, Яромирка, ты сбродом-то не обзывайся, это уже обидно! — возмутился детина, пихая оборотня в плечо.

Яромир в ответ пихнул его. Они еще дважды друг друга толкнули, а потом вдруг расхохотались и обнялись так, что кости затрещали.

— А мне тут уже добрые люди шепнули, цо меня какой-то цолт ищет, спрашивает по всему торжищу, — гыгыкнул детина. — Ну я и думаю — пойду гляну, кому там Вася понадобился. Не охерацать ли его там на всякий случай. А это вовсе и не цолт оказался, а ты, Яромирка! Цо, как живешь-можешь?

— Сам здоров, и тебе желаю. Ты, говорят, в Ерусалим об этом годе ходил?

— Было дело! — подбоченился детина. — Я теперь, почитай, целый паломник, не хвост свинячий! Уважай меня! А ты цего подельваешь? Это кто с тобой?

— Это Иван Берендеич, — представил княжича оборотень. — Тоже не хвост свинячий — тиборского князя брат!

— А, который Ванька-дурак? — гоготнул детина. — Слыхал, как не слышать!

— Яромир, а это кто такой? — обиженно спросил Иван.

— А это, Вань, Васька, сын Буслая, — с удовольствием представил и детину оборотень. — Богатырь, дебошир и пустобрех.

— А-а... — протянул Иван.

Про Буслаева-то он тоже слышал. Как не слышать? Про него на Руси, почитай, только глухой не слышал. Василий Буслаев — плоть от плоти Новгорода, кровь от крови. Всю жизнь пробуюнил на площадях, во главе толпы. Свергал князей и тут же призывал новых, а потом и тех тоже свергал. Чуть ли не каждый год менял власть, живя в этом безумном людском водовороте, дыша им и питаясь.

В этом весь Васька Буслаев.

— Ну цо, Яромирка, как тебе мой Новгород? — окинул рукой Буслаев так, словно и в самом деле владел всем городом. — Красиво ли? Душевно ли?

— Городок ничего, добротный, — сдержанно похвалил Яромир. — Только вот не растет ничего. Что это у вас тут деревьев так мало? А те, что есть — кривые какие-то, скособоченные...

— Так церкви же повсюду, — пожал плечами Буслаев.

— И что? — не понял Яромир.

— Попы деревья грызут.

Яромир открыл было рот, но тут же снова закрыл, так и не найдя, что на этакую бредень ответить.

— Ты какими судьбами у нас, Яромирка? — осведомился Буслаев. — По делу, аль так, в гости?

— По делу. Сытинича навестить надо, покалякать о всяком.

— И-и, сдался тебе этот скаред!.. — протянул Буслаев. — Айда со мной луцсе!

— А ты куда путь-то держишь, Вася?

— А путь я держу во игорный дом, да питейный дом, да блудилище. Дела у меня там важные, да неотложные. Айда со мной!

— Дела-то у тебя хорошие, нужные, — похвалил Яромир. — Да только недосуг мне.

— Ну как знаешь, не поминай лихом тогда. Может, пересечёмся еще на кривой дороженьке...

— Ты погоди-ка еще минуту, Вась, — попросил Яромир. — Я тебя вот чего еще спросить хотел... До тебя Финист долетал?

— Финист-то?.. — задумался Буслаев. — Не, с прошлого года его не видал. А цего?..

— Эхма... — огорчился Яромир. — Так ты и не знаешь, выходит, еще ничего...

— А цего мне знать-то? Ты, Яромирка, не юли, говори как есть!

— Да тут, понимаешь... — начал Яромир и запнулся, уставившись куда-то в сторону.

Иван глянул туда же — и разинул рот. На почти уже опустевшее торжище выезжали всадники. Немецкие витязи в белых плащах с крестом, числом не менее двух дюжин. Первым молодой... этот уж точно княжич, коли не сам князь! В золоченой броне, рыжий конь тоже в золоченой сбруе, на голове шелом с перьями, на плечах корзно алое. Собой красавец писанный, только вот нос длинноват.

Однако уставились так Иван с Яромиром не на немецкого князя, а на того, кто скакал подле. На огромном лохматом битюге восседал кривоногий коротышка с песьей головой. Весь шерстистый, свирепого облика, но одет как человек, копьём потрясает.

— Эхма, Яромир, ты глянь, какое диво! — ахнул Буслаев. — Псоглавец, ей-ей!

Две дюжины витязей ехали во всю ширь площади. Подбородки задирали так, словно их взнуздали. На новгородцев никто лишний раз не глядел — а вот те таращились жадно, с любопытством. Все прижимались к стенам, давая путь всадникам.

Все, кроме Васьки Буслаева. Этот даже не подумал посторониться. Напротив, каким-то образом стал занимать еще больше места — и будто невзначай задел плечом конскую грудь. Да не какого-нибудь коня, а рыжего, на котором сидел наиглавнейший.

Немецкий князь сверкнул глазами и понудил коня идти вперед — так, что Буслаева шатнуло. Тот расплылся в довольной улыбке, жалостливо загундосил, словно ему переломили руку, и одним резким движением... вытянул князя из седла!

Тот шмякнулся, как мешок с пшеном. Но тут же вскочил, сорвал перчатку, шваркнул ею Буслаева по щеке и возопил:

— Я есть Бэв д' Антон, сын графа Ги! Вы оскорбили меня, месъё!

— Это цо за набег?! — возмутился Буслаев, от души бия немца кулаком в рожу. — Ты на кого хрюкнул, кабан заграничный?! Размахался тут своей варежкой!

Немецкие витязи резко натянули поводья. Сразу четверо устремили на Буслаева копья, еще трое соскочили с седел, вытягивая из ножен мечи. Псоглавец издал сдавленный рык.

Однако их жожаку помощь и не требовалась. Мотнув головой и подвигав туда-сюда челюсть, он сам что есть сил шарахнул Буслаева. Детина подался назад, удивленно гэкнул и схватился за кистень. Немец взялся за узорчатую рукоять.

Еще секунда — и быть сече.

— Эй, эй, спокойно, спокойно!.. — встал между этими двоими Яромир. — Василий Буслаич!.. Бова Антоныч!.. Утихомирьтесь!.. Что вы на ровном-то месте вот так сцепились?

— Ты кто есть таков? — хмуро спросил немец.

— Яромиром прозываюсь, — чуть поклонился оборотень. — Ты, Бова, со мной не знаком, зато брата моего знаешь.

— Кто есть твой брат?

— Финистом его звать.

— О, вы есть брат месъё Финиста, — поджал губу Бова. — Я приехал сюда по его просьбе. Он многое рассказывал о своих братьях.

— Так цо, драться не будем? — разочарованно убрал руку с кистеня Буслаев. Из разбитого носа у него кровило. — Ты его знаешь, Яромирка?

— Это, Вася, сам Бова, — представил немца Яромир. — Королевич из франкских земель, большой человек. Много где бывал, много чего видал. В драке не хуже тебя будет. И не один здесь. Это хорошо, что ты не один, Бова.

— Я взял с собой несколько рыцарей, — холодно произнес Бова. — Ваш брат говорил, что они не будут бесполезны. Я здесь как доверенное лицо Теодориха Турайдского и представитель братства меченосцев, воинов Христа.

— И это ты что, в Тиборск теперь?! — догадался Иван. — Брату моему на помощь?!

— Ты кто есть таков? — смерил его внимательным взглядом Бова.

— Так княжич я! — оскорбился Иван. — Природный! Сын князя Берендея, Иван!

— О, вы есть брат герцога Глейфа, Жан-Идиот. Слышал о вас.

— Чего?.. — заморгал Иван. — Яромир, это каким словом он меня назвал?..

— Это по-немецки, не обращай внимания, — отмахнулся оборотень. — Так вот, Вась, тебя это тоже касается. Финист, видно, тебя не сыскал... уж не знаю, где он сам сейчас... запропал куда-то... Мы к тебе с делом. И к тебе тоже, Бова... но ты уже все знаешь. Кстати, а что это за псоглавец при тебе?

— Это есть Полкан, — представил страхолюда Бова. — Он есть совсем дик, по-нашему говорить не может, но друг мне верный.

Псоглавец вновь издал сдавленное рычание, с подозрением глядя на Ивана, Яромира и Ваську Буслаева.

На Яромира — особенно подозрительно.

— Это ты как себе такого друга-то залучил? — прищурился волколак.

— Победил на дуэль, но не убил. Полкан теперь предан мне, как *le chien*... пес.

— Ух какой!.. — сделал рот буквой «он» Иван. — А погладить его можно?

— Без руки останешься, — предупредил Яромир. — Псоглавцы — народ недобрый.

— Не есть согласен с вами, — возразил Бова. — Мать-церковь учит нас, что среди псоглавцев был такой предостойный месё, как святой Христофор. До крещения он звался Репрев и был груб, свиреп и язычник. После же прославился славными деяниями, принял мученическую смерть и был причислен к лику святых.

— В семье не без уroda, — пожал плечами Яромир. — Вон, нынешний вожак псоглавцев тоже Репревом зовется. У них это имя каждый пятый носит. Но сомнительно мне, что его к лику святых причислят...

Полкан что-то неразборчиво проорчал. Буслаев, с вызовом глядящий на обступивших его немецких витязей, подбоченился и спросил:

— Так цо ты там мне сказать-то хотел, Яромирка?

Яромир почесал в затылке и изложил последние вести с восхода. Про вконец потерявшего совесть Кащея, про убиенного князя Игоря и разоренный Ратич, про пожженный Горынычем Владимир...

Бова слушал молча — ему уже все рассказал Финист. Именно поэтому граф д'Антон и пустился в путь с дружиной христовых воинов — постоять за людской род, совершить подвиг.

Добрый аббат Теодорих просил непременно прислать из Тиборска голубя с подробным письмом и обещал отправить еще рыцарей, буде окажется, что русам не выдержать натиска. Мудрый монах понимал, что если беда и в самом деле значительна, следующими после русских герцогств станет Ливония. Рижское епископство слишком мало и слабо, в одиночку оно точно не выстоит.

Значит, лучше послать помощь русам. Они, конечно, схизматики, почти что язычники — но все же христиане. Если на их стороне будет орден братьев меча — на их стороне будет Бог.

А вот Буслаев аж побрякивал, да пофыркивал. Он и впрямь не так давно вернулся из долгого путешествия в град Иерусалим, и последних вестей еще не ведал.

Уяснив весь расклад, Вася почесал лохматую головищу, шумно втянул носом кровавую юшку и протянул:

— Кащея воевать, гришь?.. Даже не знаю... Цо, королевич, поедем?

— Я не есть королевич, я сын графа! — сердито поправил Бова.

— Нам и графья сгодятся, мы не капризные! — махнул рукой Буслаев. — Поедем или нет?

— Поедем. Но вначале выпьем.

— Вот недавно я тебя знаю, королевич, а уже люблю, как родного! — восхитился Буслаев. — Давай, Яромирка, не беспокойся ни о чем больше. Сам Вася Буслаев на твоей стороне! Пошли с нами бухать!

— Пошли! — радостно согласился Иван.

Яромир укоризненно покачал головой. Но солнце было уже низко, брюхо старого добра не помнило, а один лишний день ничего не менял.

Зима впереди еще долгая...

Наутро княжич с оборотнем сидели помятые, помурзанные. Буслаев с Бовой едва не перевернули корчму вверх ногами. Витязи до первых петухов жрали хмельной мед и горланили немецкие песни — а еще Христовы воины. Даже угрюмый псоглавец после шестой чарки развеселился и пошел отплясывать, выкидывая залихватские коленца.

Яромир падал с ног. Он уже сутки не оборачивался волком, и человечья личина была в изнеможении. Хотелось завалиться на полати и задать храпака.

Иван выглядел пободрее, хотя и взирал на мир налитыми кровью очами. Что-что, а выпить княжич всегда был здоров.

Яромир привел его в богатые хоромы — с высоким теремом, кучей прирубов и придельцев, погребов и амбаров. Комнаты убраны сукнами, стены узорами расписаны, потолок резной.

Не иначе, какой-то боярин проживает.

Хозяин вышел к гостям не сразу. Сперва потомил их в сенях, заставил подождать под рыбьим взглядом холопа. Тот не предложил даже квасу — молча стоял у двери, словно статуя.

Но в конце концов Ивана с Яромиром позвали в терем. Разобиженный княжич вошел надутый, с оттопыренной губой. Если б Яромир не придерживал его за плечо, уж он бы все высказал этакому невеже! Не посмотрел бы, что тот боярин!

Хотя на поверку хозяин хором оказался вовсе и не боярином. То был всего лишь торговый гость — хотя и из самых богатых. Немолодой, но еще не дряхлый — убелен сединой, крепок телом, строг взглядом. При виде Яромира он чуть опустил голову, прищурился — похоже, хорошо знал сына Волха.

— Добро тебе, Яромирушка, — сочным басом произнес он. — С чем пожаловал? Чем порадуешь старика?

— Да рази ж ты старик, Садко Сытинич? — усмехнулся оборотень. — Ты ж моложе меня будешь.

— Мне, Яромирушка, летось шестьдесят пять годов стукнуло, — наставительно произнес Садко. — Тебя-то я и вправду помоложе, но ты-то... ну...

Торговый гость с сомнением покосился на Ивана, гадая, ведает ли этот парнище, с кем на одной лавке сидит. Иван, в свою очередь, таращился на хозяина хором. Вот он, значит, каков, Садко-гусяр!

Хотя гусяром-то он был давно, еще до рождения Ивана... задолго до. А теперь он не абы кто, а сам Садко Сытинич, строитель церкви Бориса и Глеба, богатейший новгородский гость, держащий в кулаке все пять концов. Вся торговля через него, сундуки от золота-серебра ломаются, с каждой крупной сделки ему толика идет за посредничество.

Вон, прямо сейчас на столе стопка берест лежит исцарапанных, рядом дощечка восковая с колонками цифири, писало и мешочек вишневых да сливовых косточек. Видно, вычислял что до их прихода, деньги поди считал.

— Я к тебе, Садко Сытинич, не просто так, а по делу важному, — понизил голос Яромир. — Про заваруху, что Кашей устроил, ты уж слышал, верно. Вот этот молодец со мной — сам Иван Берендеич, тиборский княжич...

— Погоди-ка, Яромирушка, — перебил Садко. — Негоже такие речи на сухой рот вести. Волхва, любя моя, принеси-ка нам сластей заморских, да вина розового!

Покачивая крутыми бедрами, в терем вошла супружница Садко с подносом. В Ивана и Яромира она стрельнула озорно глазами, а мужа поцеловала в щеку — да там и в уста. Иван невольно расплылся в глупой улыбке.

И то сказать — выглядела прекрасная Волхва любому на зависть. Совсем молодлица, лебедушка прекрасная — а ведь у ей уж сыновья усаты! Недаром слухи ходят, будто Садко-гуслияр замуж деву моря взял.

Волхва расставила яства на столе, еще раз улыбнулась гостям и вышла. Садко налил себе вина, а Ивану с Яромиром только кивнул — мол, угощайтесь сами, к чему душа тянется. Иван охотно сгреб полные ладоши сластей и вгрызся в них, пока Яромир тихонько излагал суть дела.

У Бовы-королевича он просил людей, витязей. У Буслаева — его самого, Ваську-богатыря. А у Садко — звонкой монеты. Известно, богаче его даже среди князей не враз сыщешь. А когда в воздухе большой войной пахнет — куда без денег-то? Войско снаряжать надо, кормить-поить.

Садко слушал Яромира и мрачнел. Туча черная — не человек. Оно и понятно — кому охота по доброй воле с нажитым богатством расставаться? А только если Кащей Тиборск сломает, то и во Владимир придет — а там, глядишь, и Новгорода очередь настанет.

— Эх, Яромирушка... — вздохнул Садко. — Вот дед мой в свое время говаривал: дай человеку рыбу — и он будет сыт один день, дай ему имя Сыт — и он будет Сыт всю жизнь... что думаешь, сработало ли?

— Не знаю, Садко Сытинич, я с твоим батюшкой знаком не был.

— И то, где ж тебе его знать... Батюшка мой колобродом был распоследним. Чужеядом и печегнётом навроде того же Буслаева. Но этот хоть кистенем махать умеет, а Сыт Елдыгин и на то был не способен. Думаешь, легко мне было при таком-то рождении в большие купцы выбиться? Ан выбился. Сам всего добился, сам. Вот этими самыми руками, — показал клещеватые ручищи Садко. — А по молодости-то думал, что всю жисть буду на гуслиях теребонькать, ярмарочный люд потешать...

— Ага, — прочавкал Иван. — А денег-то дашь, дядька Садко? Нам деньги вот так нужны, позарез!

Садко смерил княжича хмурым взглядом и вдруг... расхохотался. Хлопнув ладонью по колену, он провозгласил:

— Смеюсь вельми гласно! Младоумен суще ты, княжич... да только устами дурака в этот раз истина глаголет... Подумаю я над вами сказанным. Поразмышлю. С другими новгородскими гостями все обсужу. Поглядим, что в итоге выйдет.

— На том тебе благодарствую, — поклонился Яромир.

— Конечно, благодарствуешь, — проворчал Садко. — По гроб жизни вы мне теперь должны будете. И ты, и брат твой старшой, и все ваше княжество Тиборское. Вы сейчас куда стопы-то направите?

— На полудень теперь. В Киев. А там к морю Русскому.

— А к морю-то вам зачем? — насупил густые брови Садко. — Ходил я по тому морю... когда молодехонек был, силенку имел... Что вам с него?

— На Буян-остров мы направляемся, — негромко сказал Яромир.

— Вот оно как... — протянул Садко. — На сам Буян... Даже не спрашиваю, что тебе там понадобилось...

— И правильно. Не надо тебе того знать, Садко Сытинич. Ты сам-то на Буяне был когда-

никогда?

— Был одна, как не быть... — уклончиво протянул Садко. — Хотя туда высадиться — задача целая... сумеешь ли?

— Высадиться сумею, за меня не волнуйся. Вот добраться... корабль понадобится, конечно. Не посоветуешь ли чего?

Садко на пару минут замолк, призадумался. Потом вздохнул и сказал:

— Эх, кабы двадцать лет назад... да даже бы и десять... сам бы вас отвез, потрянул стариной. Но теперь я уж в дело не гош — грузен стал, неподъемен. Да и лодей у меня своих уж нет... Но помочь вам я все-таки смогу. Если быстрее, чем за две седмицы до Киева доберешься — сыщи там знакомца моего, Добрыню, сына воеводы Ядрея. Славный гость, тороватый. В Цареграде четыре года жил, святынь привез ворох. Теперь сызнава туда направляется, путем из варяг в греки. Я тебе до него грамотку напишу, с рекомендацией.

— С чем-чем? — не понял Иван.

— Рекомендацией, — повторил Садко. — Латынское слово, «совет» по-нашему.

— Так ты по-нашему бы и говорил... — насупился Иван.

Садко принялся корябать на бересте. Почесав за ухом писалом, он задумчиво произнес:

— Только ты уж, Яромирушка, Добрыне уважение вырази, поклонись ему чем-нибудь. Подарочек какой-никакой преподнеси. А то невежественно выйдет.

— Это само собой, — хмыкнул Яромир. — На Руси без подарочков дела не делаются.

— И еще я тебе тут одну грамотку тоже напишу, — взял другой кусок бересты Садко. — Будешь на море Русском, передашь ее другому моему знакомцу... я там адресок укажу...

Хорош выдался в Тиборске первый день зимы. Как следует подморозило, снежком присыпало. Мороз-Студенец окна ледяными узорами разрисовал.

И ветра нет, тихо. Уши-то пощипывает, конечно, дыхание инеем на лету обращается. Но все одно — славный денек. Рыбали на речке сидят, у прорубей, в тулупы закутавшись. Детвора по улицам с гиком бегают, на санках с горок катается. Воевода Самсон дружине построение делает, гридней по холодку гоняет.

А князь тиборский с утра государственными делами занимается. Куда ж без этого? На Руси спокон веку князь — всему голова. Не только державе, но и вообще всему. Без его слова ничто не происходит — всюду озаботиться нужно, во всем разобраться.

Поначалу Глеб Берендеич грамотки читал, с чужой стороны донесения. Вот из Киева доносят, что под Рюриком Ростиславичем трон шатается. Всеволод Святославич Чермный спихнуть его пытается, сам на киевский престол метит. Неизвестно, как-то еще обернется...

Глеб прикрыл глаза, зашевелил губами, беззвучно перечисляя русских князей. В Переяславле — Владимир Рюрикович. В Смоленске — Мстислав-Борис Романович Старый. В Полоцке — Владимир Василькович. В Турове — Иван Юрьевич. В Галиче — Владимир Игоревич. В Чернигове — Всеволод Святославич Чермный. В Рязани уже очень давно — Роман Глебович. В Муроме — Игорь Юрьевич. Во Владимире и Суздале — Всеволод Юрьевич Большое Гнездо. В Новгороде... в Новгороде князем сидит Константин Всеволодович, а посадником — Дмитр Мирошкинич.

Слишком много князей на Руси. Слишком много. Ладно бы еще в мире жили... ну или хоть глотки друг другу не рвали. Но ведь нет, междоусобицы сплошные. Каждый спит и видит, как бы соседу каверзу устроить, да клочок от него урвать в свою пользу. Явится в это скорпионье гнездо Кашей или еще какой ворог со стороны — и развалится завещание Ярослава. Давно уж разваливается, по швам трещит.

И то утешительно, что хоть в своем Тиборске пока все слава богу. Никто у него, Глеба, престол не оспаривает, никому его медвежий угол не лаком. Вот разве от тестюшки Всеволода письмо пришло — мол, а не желаешь ли, зятюшка, ко мне под руку пойти? Чего нам порознь-то жить, будто чужие — объединим княжества, то-то оно и ладно выйдет...

Молодая княгиня Елена завершила мужа, что это батюшка так шутит. И Глеб даже сделал вид, что поверил. Хотя на душе прямо кошки заскреблись — мало ему было Кашея...

Елена сейчас сидела по левую руку от мужа. Со дня свадьбы она была тиха, Глебу искательно заглядывала в глаза. Понимала за собой вину. Глеб, ясно, срамить ее не стал, сор за порог не вынес, да и на саму Елену почти и не серчал.

Зато уж о Ваньке-курошупе думать спокойно не мог — сразу желваки кровью наливались. Вернется домой... ох, повезет ему, коли Глеб к тому времени помягчает, ох и повезет...

Впрочем, сейчас Глебу было не до беспутного брата. Да и не до алчного тестя. Голову другое заботило. Пока воевода Самсон гонял во дворе гридней, конюший Несвитай и меченоша Ворох излагали владыке, сколько в тиборских закромах люду, коней и оружия... и выходило как-то невесело...

Не то чтобы мало, от любого другого князя оборониться достанет. Но вот от Кашея...

Здесь же был и боярин Бречислав. С большой восковой таблички он зачитывал, сколько

оброку прислали осенью из тиборских весей, да сколько потребно припасов дружине на прокормление.

— А еще, княже, десять яловиц, пять боровов, сто баранов, десять ярок, пятьдесят гусей, четыреста куров, да десять утиц, — басил бородатый боярин. — Да пять пудов масла коровья, пять ведер сметаны, два ведра сливок, пятьдесят сыров кислых, пять сыров молодых, пять сыров сметанных, две тысячи яиц, да на поварню двести телег дров. Да еще конского корму: шестьсот телег сена, шестьсот четвертей овса, двадцать четвертей ячменя. Да муки яричной десять четвертей, да тысяча телег соломы ржаной, да на конюшню восемь сотен, да двадцать телег прутня тонкого...

— Соломы-то ржаной куда им столько? — сердито спросил Глеб.

— Перины набивать, княже.

— Все одно помаракуй. Выдашь восемь сотен, и будет с них. Я эту солому не рожаю.

Поднявшись с кресла, князь прошелся по палате. В хозяйстве не хватало решительно всего. За что ни возьмись — недостает. Хорошо, урожай об этом годе богатый собрали. И мор в дальних весях с наступлением морозов вроде поутих.

Хотя сами морозы только крепчают. Что-то не в духе дед Мороз этой зимой.

— Что там сегодня, есть кто? — спросил Глеб, потирая виски.

Спрашивал он о ищущих княжьей справедливости. Глеб Берендеич ежедневно выходил во двор, где судил и рядил всех, кто того желал. Судил обычно хорошо — мудро, по Правде. Недовольные бывали редко. Разве только те, кого князь к острогу приговаривал, али к казни... но этим-то с чего довольными остаться?

— Есть, княже, как не быть, — степенно ответил Бречислав. — Муж с женой повздорили, гость торговый каким-то татем обокраден, да вот еще у отца архиерея ябеда к тебе...

— Ладно, — вздохнул Глеб. — Пошли, рассужу всех, пока стол не накрыли.

Народ во дворе уже толпился. Вышел князь в парчовом синем корзно, уселся на высокий стул с подлокотниками. Обок возвысились кустодии в броне, по правую руку — чашник с подносом, чуть ниже — писарь с восковой табличкой. Где-то сзади притаился заплечных дел мастер.

— Что, люд честной, принимаете ли меня в судьи над собой? — возвысил голос Глеб.

Вопрос был чисто ритуальным, соблюсти традицию. Подданные, как всегда, единодушно дали князю свое дозволение, и тот принялся вершить правый суд.

Сначала были муж с женой. Да не абы кто, не холопы какие-нибудь, а боярин Костеря, да Параскева, супружница его. Молодая боярыня жаловалась, что муж бьет ее палками и гоняется с саблею, и от всего этого она, дескать, двух младенцев выкинула, и дочь малолетняя в колыбели умерла от страху. Кроме того муж отобрал сына и разорил полученные в приданое земли, а саму ее пытался отравить волшебным зельем. Когда же отравить не удалось, выгнал жену из дому. А когда она приехала в столицу жаловаться, ее пытался убить стрый мужа, княжеский гридень, мстя за обиды, полученные... от ее мужа.

Князь выслушал все это с каменным ликом. На Костерю и прежде многие жаловались. Очень уж непростой он человек — вздорный, неуживчивый.

И при этом свято верит в свою непогрешимость. Возмущенно глядя на Параскеву, боярин заявил, что тумакон та получила по заслугам. Он-де взял ее бесприданницей, а все его земли в хорошем состоянии, денег вложено много и холопы довольны. Жена же без его воли выдала дочь замуж и бежала от мужа, украв из дому много денег.

Выслушав обе стороны, князь принялся разбираться. Прежде всего спросил, какую это дочь Параскева выдала замуж, если ей самой еще и тридцати годов нет. Оказалось, что Агафьюшку, дочь Костери от первого брака. Глеб повелел призвать ее пред свои очи в качестве послуха.

Явившаяся Агафьюшка смотрела в землю, говорила тихо. Была она лишь немногим моложе мачехи, замуж вышла уже перезрелой, хотя собой хороша. Ликом пригожа, телом обильна, русая коса до пояса. Женихи вокруг юницы так и вились, да Костеря всех гнал от ворот. Сильно верил, что не дочка его им интересна, а приданое ее. Так и проходила боярышня в девках, пока ее Параскева не выручила.

Все слова мачехи она подтвердила. Мол, все так — и палками бил, и с саблею гонялся, и сестрицу ее малолетнюю убил перепугом. Про волшебное зелье врать не будет, не видела, но одно время матушка Параскева и в самом деле долго хворала, причем ни с чего, просто вдруг слегла и принялась кровью харкать.

Опросив еще нескольких видоков и послухов, князь вынес решение. Костерю выгнать из дому, имущество его отдать жене. Промедлит — поставит на правез. На гридня Облома за попытку убийства наложить виру.

Следом Глеб рассмотрел дело о татьбе. Перед ним предстал жалобщик — рязанский гость с распухшим лицом. Он слезливо поведал, что прошлым вечером его подстерег некий злодей, избил до посинения и отобрал платок, в который были завязаны три киевские гривны.

Услышав о такой беде, князь сочувственно поцокал языком. Потом спросил, отчего торговый гость носил при себе столько золота, да еще и без охраны.

Тот возмущенно заявил, что это его дело, где хранить свое добро и сколько держать охраны. А вот князь-де как раз в ответе за безопасность его города! Что же это такое, люди добрые, вечером по улице уже пройти не можно! Кругом тати лихие, только и глядят, как бы честного человека нажитого лишить!

Князь попросил описать вышеупомянутого татя. Как выглядел, во что одет был, откуда появился и куда потом ушел. Гость призадумался, наморщил лоб, замямлил что-то невразумительное... потом тряхнул головой и заявил, что не помнит. Очень сильно избиты — все из памяти выветрилось. Вот прямо все-превсе, кроме только количества гривен в платке.

Глеб вздохнул и принялся распутывать клубочек. Изучил сначала внешний вид жалобщика. Избит взаправду, тут сомнений нет. Врет или не врет, а синяки настоящие.

Поличного у гостя не было. Тать не соблаговолил оставить ему бересту со своим именем или хотя бы приметный кистенек. Просто избил, гривны отобрал и был таков.

Не нашлось и видоков. Гость клялся и божился, что в том переулке они были только вдвоем. В том, что говорит одну правду, он принес присягу и поцеловал крест.

Князь пошептался с Бречиславом и Самсоном, после чего заверил гостя, что в беде поможет. Вот, воевода лично все расследует, сыщет обидчика и отнятые гривны вернет хозяину. Да еще и продажу с негодяя взыщет.

— А урок?.. — с надеждой подался вперед гость.

— И урок, конечно, — кивнул Глеб. — Ступай, гость торговый.

Поминутно оглядываясь, побитый купец ушел со двора. А пред князем встал последний на сегодня жалобщик — да не кто-нибудь, а сам тиборский архиерей! И в гневе он был нешуточном — борода так и топорщится, очи пламенем полыхают, посох так сжат, что вот-

вот треснет.

Причиной тому был другой старец — стоящий по правую руку от отца Онуфрия и не менее рассерженный. Только не в черной рясе, а в длинной белой рубахе, подпоясанной красным поясом. Сверху белая шуба мехом наружу, в руке тоже посох, увенчанный серебряной булавой.

Всегнев Радонежич одним своим появлением взбаламутил Тиборск. Даже теперь, спустя более чем два столетия после крещения Руси, осталось еще немало тайных язычников. Многие втихомолку, а кто и открыто клали требы Перуну и Велесу. И когда при самом княжеском дворе вдруг объявился живой волхв Даждьбога, этот люд оживился. Потянулся народец к пришлецу, даже подношения многие приносили.

Всегнев очень тому порадовался — не все еще, значит, потеряно-то! Жива старая вера покамест!

А вот церковникам такое, конечно, пришлось не по нутру. Особенно архиерею. Отец Онуфрий с волхвом Всегневом разругались в первый же день, как встретились — а там и до драки дело дошло. Потом их еще дважды разнимали — ну чисто кошка с собакой.

И теперь у архиерея терпение совсем иссякло. Накатал он князю предлинную ябеду, в которой и перечислил все прегрешения злокозненных язычников и в особенности — вот этого Ваалова служителя. Мол, и восстание-то он замышляет против князя, и Кашеевы силы втайне поддерживает, и храмы христианские по ночам подкапывает, обрушить желает.

— Бесы его науськивают, княже! — грозил перстом Онуфрий. — Все его знания — от бесов, им служит, им поклоны бьет ночами безлунными!

— Лжа все! — возопил Всегнев, с ненавистью глядя на архиерея. — Наглый поклеп! Нет моей вины пред тобой, княже! Чист и невинен, аки младенец вчерашний, и готов за то раскаленные железа взять!

— А что, княже, не устроить ли впрямь им ордалии? — пробасил воевода Самсон. — Ты скажи только, мигом все подготовлю.

Глеб с сомнением погладил бороду. Божий суд — оно, конечно, дело хорошее. Сразу все и видно, за кем правда. Только чтоб святых старцев такому подвергать... как-то оно неуважительно...

— Ладно, — все же произнес он угрюмо. — Иначе, видно, вас не рассудить. Огнем, водой или полем?

Архиерей с волхвом переглянулись. На морщинистых лицах отразилось сомнение.

Если они выберут испытание огнем — действительно возьмутся голыми руками за раскаленное железо. Кто дольше вытерпит — за тем и правда. Болезненное испытание, не всякому под силу, да и ожоги будут нешуточные.

Если выберут испытание водой — войдут в реку и поплывут на другой берег. Если кто виновен — не доплывет, утонет. Только какие уж пловцы из святых старцев... да и река уже замерзла.

Остается испытание полем. Суд через поединок. Причём заведомо слабая сторона — такая как ребёнок, женщина, старик или монах — может выставить вместо себя в поле наёмника или родственника.

Об этом князь старцам и возвестил. Мол, прошу, отцы, выбирайте, кого хотите за себя в круг выставить, кто вашу честь защищать станет.

— Не по Правде это! — сразу возмутился Всегнев. — Я-то здесь один, без родни, без друзей, без мощны тугой! А этот поп-то богат без меры, он себе хоть варяжскую дружину

наймет! Вон, на храмах купола позлачены, внутри злата тоже без меры — ишь, ишь!.. А откуда такое богатство, а?! Не заработано ведь, не честным трудом получено!.. Несут и несут им, несут и несут... к чему вам столько, слуги божии?! Есть вы то золото будете?! Пить его?! Сами-то небось нестяжательство проповедуете, а вот живете в роскоши зачем-то!

— А ты строптивость-то свою поуйми, язычник! — сурово насупил брови отец Онуфрий. — Ибо все сие богатство не для единоличной услады, а во славу Божию, дабы пред светлым ликом Его не стыдно было отправлять службы и литургии. Деньги — это зло, от дьявола, вот и берем мы его на себя, чтоб души ваши спасти! А ты, неблагодарный, лучше в храм сходи, исповедайся, а то мысли крамольные у тебя какие — поклеп на архиерея возводишь! Негоже так. Сходи в храм и у батюшки епитимью испроси, дабы грех свой искупить и в вере укрепиться. Благословляю на сие.

— Ты мыслишь ли вообще, с кем и о чем говоришь? — насмешливо хмыкнул Всегнев. — Я тебе не овца православная, чтоб перед твоими досками крашеными поклоны бить! Я волхв Дажьбога! Бога пресветлого, бога истинного! Дающего благосостояние, царя солнца, сына Сварога!

— Сварога, Дажьбога, Плюньбога... — покривился отец Онуфрий. — Сколько богов-то у вас всего, язычник? Сто?.. Двести?.. И каждому жертвы приносите, каждому тризну справляете? Перечислить-то их сможешь?

— Надо будет — и смогу! — грохнул посохом Всегнев. — Богов у нас много, но все при деле, никто не лишний! Как вот все князья на Руси — Рюриковичи, так боги все — Сварожичи. Ибо Сварог над ними — наистарший, всем богам отец!.. некоторым дед. Еще когда не было земли, а был только Окиан, совокупность всех морей мировых, восстал Сварог над водою, да принялся мир творить...

— Ты ересь-то свою поуйми! — возвысил голос отец Онуфрий. — Творить он принялся!.. Нашелся тут!.. Разрешали ему творить, что ли?! Всему есть творец Бог, а не Род!

— Какой еще род? — не понял Всегнев.

— Да бог ваш наистарший!

— Совсем дурак, что ли? — заморгал Всегнев. — Я ж тебе, долгополому, русским языком только сейчас сказал — наистарший у нас Сварог!

— А Род кто такой тогда? И не ври мне, что у вас бога такого нет, я доподлинно вызнавал!

— А Роды — это духи родителей и прочих предков. Отец мой покойный — Род, мать покойная — Рожаница. Деды мои — Роды, бабки — Рожаницы. Тако есть, потому что боги наши — суть предки наши!

— Боги ваши — не суть боги, но древо! — возразил отец Онуфрий. — Таковы же и скверные мольбища ваши: лес, и камни, и реки, и болота, и источники, и горы, и холмы, солнце и месяц, и звезды, и озера. И проще говоря — всему существующему поклоняетесь яко Богу, и чтите, и жертвы приносите!

— Потому лишь, что все существующее — и есть боги! Во всем есть Бог, и всё есть Бог!

— И всем этим богам вы жертвы приносите! Кровавые! Людские!

— Шта-а?! — возмутился Всегнев. — Это кто тебе, долгополому, такое ляпнул?!

— Все знают! — выпалил отец Онуфрий. — Все! А еще вы младенцев на алтарях режете! И в землю закапываете! И в воде топите!

— Враки сие! Враки бессовестные! Не приносим мы людей в жертву, а приносим требы природные и человеческие!

— Вот — человеческие! Сам сознался, нехристь! Покайся! Покайся в грехах своих публично!

— Человеческие — значит, руками человека сотворенные! — взвыл Всегнев. — В печи сготовленные, али нитками сшитые, али на наковальне откованные! Сие дары от чистого сердца! От души, в благодарность за все хорошее! А человека в жертву принести — грех великий, ибо боги наши не людоеды! Такое только погань всякая жрет, вроде Чернобога!.. ну и Велес иногда еще, бывало... но он вообще дик, вонюч и Дажьбогу Пресветлому враг!

— Ага, плети больше! — фыркнул отец Онуфрий. — Можя, и найдется кто дурной, поверит!

— Да не приносим мы людей в жертву! Не приносим! Это как раз вы своего бога жрете! Людоеды!.. нет, богоеды!..

— Штооооо?! — заревел отец Онуфрий. — Ты что такое ляпнул, язычник?!

— А что, нет?! Плоть Христова, кровь Христова — это что такое?!

— Вино это! Хлеб! Ты что, язычник, издеваешься?!

— Да знаю, что вино и хлеб — чать, не совсем дурной! Только с каких пней вы это такими словами называете?! Самим не мерзотно плоть да кровь-то вкушать?!

— Так то ж евхаристия! Причащение! Символическое! Во славу жертвы Христовой! Духовная пища — чтоб очиститься и освятиться!

Князь Глеб смотрел и слушал со все большим любопытством. И другие зеваки тоже смотрели и слушали, как развивается богословский диспут. Был он, конечно, очень бурен, на глазах перерастал в свару, но все равно захватывающ.

— Язычники вы! Язычники проклятые! — уже в голос завыл отец Онуфрий.

— Не язычники, но адепты Веры! — воскликнул Всегнев. — Ибо вер иных по правде и не должно быть! А за язычника я тебя посохом огрею!

— Ты неправ, сын мой! — рывкнул отец Онуфрий, шарахая Всегнева по лбу крестом.

Крест у архиерея был тяжелешенек. Волхв Дажьбога даже пошатнулся, словно прилетело ему не святым символом, а разбойничьим кистеньком.

Однако мигом спустя он отвесил сдачи посохом. Отец Онуфрий потер ушибленное плечо и вцепился Всегневу в бороду. Тот вцепился в ответ. С воплями и матюками святые старцы принялись дубасить и плевать друг в друга.

— Может, разнять их, княже? — обеспокоенно пробасил Самсон.

— Это зачем еще? — хмыкнул Глеб. — Как раз самое интересное начинается. Дайте-ка мне калача кус и медовухи жбан.

Чашник услужливо все подал. Откусив кусок свежее испеченного хлеба и отхлебнув хмельного, князь прочавкал:

— Ща наглядно увидим, чья вера сильнее!

Дружинники тоже оживились, стали передавать из рук в руки медяки и даже сребреники. Воевода Самсон, опустив очи долу, тоже побился с кем-то об заклад, поставив целых пять кун на архиерея.

Хотя в целом ставили на старцев поровну. Росту они были примерно единого. Оба саженные, крепкие, похожие на древние кряжистые дубы. Отец Онуфрий в младости ходил среди лучших кметов младшей дружины, немало помахал и брадвой, и сабелькой. Да вишь, не задержался надолго — услышал глас Божий, рясу надел, архиереем стал. Ан в сече и сейчас бывает — вон, с Кашеевой татарвой не так давно бился, ухо потерял даже.

О Всегневе Радонежиче же здесь никто толком ничего не знал — бог весть, откуда он

такой взялся. Но выглядел лесной отшельник грозно, устрашительно. Космат, боровист, в глазах огонь суровый, в руках посох узловатый. Слухи о нем ходили поучительные.

Крик и брань поднялись до небес. Святые старцы колошматили друг друга до синячищ, до искр из глаз. Черная ряса и белая рубаха обагрились кровью, морщинистые лица избороздились фингалами. Солнце уж высоко поднялось, а верх все никто не брал.

— Может, все-таки разнимем? — тихо предложил Бречислав. — Еще убьют друг друга, чего доброго...

— Ладно, растащите их, — пробурчал Глеб, дожевывая калач.

Сделать это оказалось не так-то просто. Гридни схватили старцев за плечи, потянули, но те упорно не желали прекращать распрю, отчаянно плевались и кусались. Слишком сильно наваливаясь дружинные опасались — все ж не холопы на ярмарке подрались.

— Всегнев Радонежич!.. Онуфрий Меркурич!.. — попытался влезть между ними Бречислав. — Ну что же вы творите-то, а?! Что у вас вечно за усобицы ретивые, словно у детей малых?! Князя позорите! Тиборск позорите! Сами себя позорите!

Кто-то из гридней окатил стариков ведром воды. Студеной, только из проруби. Дрожащие и мокрые, архиерей с волхвом слегка охолонули, руками махать перестали, но бранью сыпали с прежним пылом.

— И все равно будущее за нами! — орал отец Онуфрий. — А вы в прошлом! В прошлом!

— Ничо, это временно! — верещал Всегнев. — Народ еще одумается, еще вернется к старым богам!

— Не вернется! Никогда не вернется!

— Обязательно вернется!

— Разве что если сдурет вконец!

— Сам дурак!

Холодная выдалась ночь, промозглая. Буря, гроза, дождь со снегом. Промокший до нитки, продрогший, Иван спрыгнул со спины гигантского волка и простучал зубами:

— Вот это я окоченел!..

— Еще б ты не окоченел... — хмыкнул Яромир, кувыркаясь через голову. — Зима началась...

Сегодня первый день студня. Ох и верное же название! Месяц это и в самом деле студеный, до костей пробирает. Хуже разве только трескун-лютовой — недаром его еще волчьим месяцем кличут.

Иван с Яромиром уже два дни двигались на полудень. Обогнули Ильмень-озеро, миновали Торопец, пересекли Двину-реку, и теперь поспешали к Смоленску. Здесь земли приграничные — к закату и полуночи Полоцкое княжество, а к восходу и полудню — уже Смоленское. За ним Черниговское будет, а там и до Киева рукой подать.

Место для ночлега Яромир выбрал жутенькое, неудобное. Прямой холм у перекрестка дорог — словно шапку кто бросил. Окружен двумя кольцами валов — низким по-наружу, и высоким по-внутри. Между кольцами видны еще старые кострища, а на самой макушке холма — каменные идолы.

— Это мы куда приехали? — поежился Иван. — Зачем? Что нам тут?

— Внутри — капище, снаружи — требище, — мотнул головой Яромир. — Это, Ванька, считай что храм. Старым богам. Их таких мало сохранилось — где еще капи целы.

— Не особо-то они и целы... — прищурился Иван, разглядывая белеющих во тьме истуканов. — А это кто такие? Чьи идолы?

— Вон тот, самый целый — Хорс-Даждьбог, — указал Яромир. — Лунный и солнечный в одном лице. С волосищами который — Велес. С выдолбленным ликом — Стрибог. Разваленный в кусочки — Семаргл. Баба в шапке — Мокошь. Другая баба, с большими титьками — Лада. А в самом центре — Перун.

— У-у, беси пучеглазые... — проворчал Иван. — А мы чего тут? Тут живет кто?

— Никто тут уже давно не живет, — вздохнул Яромир. — Да и не жил никогда. Это ж капище, а не подворье. Раньше приходили, требы служили, жертвы приносили. Давно. Я когда еще молодой был, тут два волхва подвизались. Тогда идолы еще все целые были, да и народ почаще являлся. В то время некоторые еще следовали старым богам... А теперь вот...

— А куда эти волхвы делись?

— Да померли давно. Полвека ж миновало, а они в ту пору уже старые были. А к нынешним временам волхвов и не осталось почти. Вон, Филин... старик Всегнев остался. Может, он вообще последний из настоящих... знающих...

— Тогда чего мы тут? — в третий раз уже повторил Иван.

— Переночуем, — рассеянно ответил Яромир, рассматривая высокий дубовый столб у ведущей кверху тропки. — Место тут хорошее, благое. И с человеком одним свидимся.

— Это с кем? Волхвом, что ли?

— Нет, не волхвом. Из ваших он, из христиан. Но человек хороший, не сомневайся. Он уж месяц как в Тиборск должен был явиться, да вот, запаздывает что-то... Я Бречиславу обещал его встретить, да поторопить.

Иван огляделся — округ на полверсты не было ни души. Еще дальше все тонуло в

снежно-дождяной мгле.

— А он точно здесь будет? — с сомнением протянул княжич.

— Точно, — потер мерзнувшие руки Яромир. — Видишь столб? Он если б проехал, так отметку бы оставил приметную. А раз отметки нет — значит, еще не было его тут.

Иван подошел к столбу и слегка его пнул. С макушки посыпался снежок. Княжич пристально осмотрел дерево — меток там и впрямь хватало, но все старых. Аз, глаголь, вот здесь мыслете, тут покой...

Были и целые записи. «Жмур Залесский стоял здесь три ночи. Не дождалси, иду дале». «Проследовал Г. из Смоленска в Новгород». «Кто видел Марью женку мою отзовись». «Иван — дурак».

Вот эта последняя запись заставила княжича гневно засопеть. Он бы ее стер, да глубоко врезано, старательно. И не лень же кому-то было чертить этакую дрянь.

— А точно сегодня твой человек хороший здесь будет? — пробурчал Иван.

— Коли не сегодня, так завтра, — заверил Яромир. — А коли и не завтра... значит, и впрямь случилось с ним что. Сроки уж все повышли.

Озябшие княжич и оборотень развели костер в требище. Иван засомневался, можно ли это в святом месте, хоть и языческом, но Яромир заверил, что можно, даже хорошо. Огонь старым богам всегда только в приязнь, огонь они любят.

А если еще и сжечь в нем что, требу принести — так это совсем ладно будет. Яромир срезал у себя большой клочок волос за правым ухом и высыпал их в костер. Запахло паленой шерстью.

Еще Яромир сжег кусок засохшего уже калача и тот самый расшитый плат, что купил в Великом Новгороде. Иван, глядя на это, только крикнул.

Сам бы он ни в жисть не стал палить зазря такую красу — лучше б Танюшке подарил, что из-под Торговых ворот. Или Наталке, боярской дочке. Или Росе — она хоть и холопка, да зато станом тонка, а усестом обильна. Или Марушке-половчанке — ох и взглядом она в прошлый раз Ивана одарила! Как огнем обожгла!

Пару секунд Иван раздумывал, не бросить ли и ему что в костер. Ну так, компанию Яромиру составить. Но потом решил, что незачем. Как-то это не по-православному. Батюшка архиерей узнает, так точно не похвалит.

Солнце уж совсем закатилось, время шло к полуночи. Яромир, чья человечья личина отдохнула за день, сидел бодрый, жевал жухлую травинку. А вот Иван все больше клевал носом. Надо было уж ложиться, да ему до смерти хотелось дождаться, поглядеть, что там за хороший человек. А то он Яромира знает — явится гость, пока Иван будет спать, так вредный волчара ведь и не разбудит.

Однако постепенно княжич все же задремал. Склонился набок, свернулся под мятелью, подложив под голову кулак... и почти тут же проснулся. Яромир ткнул его в бок кулаком.

— Что, чего?.. — всполошенно заметался Иван. — Пришел?..

— Пришел... — прорычал сквозь зубы Яромир. — Пришли... По наши головы явились...

Иван проморгался, протер глаза и беззвучно ахнул. В темном грозовом небе летели... птицы, что ли?.. Вроде птицы. Огромные, черные, без перьев. Видать плохо — в этакой-то мгле! — зато слышать дюже хорошо. Кричат, как голодные ястребы — да все громче, громче!..

— Это кто?! — затеребил княжич оборотня. — Яромир, это кто?! Ты что, вот этих ждал?!

— Этих бы я вовек не видывал... — процедил волколак. — Навьи это, Ванька... Видать, Кашей всерьез за нас взялся...

Дернув Ивана за рукав, Яромир попятился. Навьи уже спускались наземь, оборачивались людьми... чем-то человекоподобным. Теперь кричать они перестали — стали бесшумны и тихи, как холодный ветер.

Яромир кувыркнулся через голову, поднимаясь уже чистым волколаком. Не человек, не зверь — чудовище. Огромный, ярый, серая шерсть топорщится, в волчьей пасти зубы-ножи, на руках когти-сабли. Любого разорвет, растерзает!..

Иван же вынул из ножен Самосек. Чудесный меч Еруслана забился в ладонях, чувствуя нечистую силу, сам тянясь в ее сторону.

Только навьев это не страшило. Неуловимые для взора, почти невидимые, они шли бесплотными тенями. Плоть эти твари обретают лишь в последний миг, когда уже поздно. Поздно бежать, поздно драться. Холодные руки вцепятся в горло, и упадешь соломенным снопом.

Вот Иван взмахнул мечом — и удачно! Самосек срезал навью башку, словно куренку! Распахал вместе с плечом — голова и рука упали, запрыгали по снегу.

А вот сам навий даже не дрогнул. Лишь шаг замедлил, подобрал оставшейся рукой отрубленную и словно задумался — что теперь делать-то с ней?

— Назад, Ванька! — прорычал волколак. — Не поможет здесь булат! Наши враги — мертвецы!

— Ну тогда легко! — обрадовался Иван. — Значит, убивать их и не нужно — только похоронить!

— Да они сами кого хошь похоронят... — прохрипел Яромир, взмахивая страшной лапой.

Навьи подались назад. Волчьи когти и холодное железо не могли их убить, зато могли рассечь, порубить на части. А тогда навий уже не боец, тогда ему назад только, в призрачный облик. Там дожидать, пока раны исцелятся.

Но было их гораздо много. За десятком вставал десяток, за дюжиной — дюжина. Двое уж корчились, распаханые на половинки, еще один торчал насаженный на острый пенек — с такой силой швырнул его оборотень.

Да только остальные словно и не заметили убыли.

Иван порылся за пазухой и выудил серебряный крестик. Подарок отца архиерея. И вот от сей незатейливой вещицы навьи шарахнулись куда сильнее, чем от кладенца!

— А вот это ты молодец! — осклабился Яромир. — Навьи серебряных амулетов зело пугаются!

— Это не амулет, а крест святой! — обиделся Иван, распугивая нечисть. — А ну, пошли!.. пошли!..

— Нам бы сюда еще иголку без ушка, или чеснока головку... — задумался Яромир. — Там чеснока в котоме не осталось?

— Я его с хлебом съел... — смущенно признался Иван. — Лук разве...

— Лук не годится. Еще есть там у тебя из амулетов что?

Иван поочередно достал второй крестик, кувшинчик со святой водой и три иконы. Богородицы, Николая Чудотворца и Иоанна Воина.

Все пошло в ход, все к месту пришлось!

Только вот бежать навьи не собрались и теперь. Отпрядывали, как от горящих факелов,

шипели, но все одно толпились вокруг, подступали, пытаясь зайти за спину. Иван уж их рубил и рубил, вертелся и вертелся, тыча в рожи святынями, да помавая кладенцом...

Яромиру же приходилось еще хуже. Иван сунул было и ему крестик с иконкой, да оборотень шарахнулся от них почти как и навьи. Разве что не зашипел.

— Не сдюжить нам с такой оравой! — рыкнул Яромир. — Давай наверх! Я их придержу!

— Это ты давай наверх! — заартачился Иван. — Я сам их придержу! У меня, вон, средств больше!

В подтверждение он плеснул на навьев святой водой. Вот уж когда те заверещали, так заверещали!.. Кожа с мертвых ликов поползла, потекла, точно снег от кипятка!

— Ладно, вместе отступаем, — согласился Яромир. — Пошагово.

Так и попятились. Спиной не повертывались — навьи только того и ждали. Медленно, отбиваясь от мертвяков, Иван с Яромиром двинулись по требищу, мимо старых кострищ. Навьи почему-то все сильнее ярились, выли... а потом вдруг замерли. Перестали преследовать.

Иван сначала не понял, в чем дело, а потом смекнул — они ж внутренний вал пересекли! В капище поднялись! Видать, сюда навьи-то соваться боятся!

Гордый своей сметливостью, он спросил о том Яромира. Тот подтвердил.

— Только это тоже временно, — устало сказал оборотень. — Они тут поскулят, поскребутся, а потом наисильнейшего призовут. Он сам войдет и остальных впустит.

— А кто у них наисильнейший?! — ужаснулся Иван.

— Это уж как повезет. Какой-нибудь навий князь. Если Суденицы не с нами сегодня — так Кашей. Или Вий. А то даже сам Ниян-Пекленец. Если из этих кто — сразу лучше могилу рой.

Яромир присел на корточки. В облике волколака смотрелось это жутко, но и немного смешно. Сверля взглядом навьев, оборотень снова принялся жевать травинку.

Иван не выпускал из рук Самосека. На рукоять подвесил крестик, а на шею — другой. Иконки тоже примостил куда попало.

Навьи же рассредоточились вдоль вала. Тот был едва выше аршина, они легко могли его перемахнуть. Но не перемахивали — ходили вокруг, водили руками, как по невидимой стене. Смотрели мимо Ивана и Яромира, словно не могли их увидеть.

А внутри вала молчаливо стояли древние идолы. Шесть более-менее целых и один разрушенный. Они незримо оберегали своих чад — одного из последних, что сберег верность, и другого, заблудшего, но все едино любимого.

— Что теперь-то, Яромир? — тревожно спросил Иван.

— А что теперь? — пожал плечами волколак. — Ждем. Либо рассвета, либо прихода их старшего. Если до рассвета не явится — эти сгинут. А если явится... тогда видно будет.

Потянулись часы. Навьи упорно ходили вокруг вала, искали прореху, слабое место. Некоторые вновь взметнулись в воздух черными бесперыми птицами, витали над капищем бесплотными тенями. Иван, чьи руки устали от тяжести меча, воткнул Самосек в землю, но ладонь далеко не убирал. Яромир так и сидел волколаком, сосредоточенно жуя ботербород с салом.

И вот оно наконец!.. В самую глухую полночь, когда уж и до первых петухов оставалось недолго, навьи вдруг стали расступаться. Словно бдительные кустодии, они выстроились в два ряда, и меж ними зашагал кто-то здоровенный и рогатый.

В воздухе нестерпимо завоняло козлом.

— Господи, спаси и сохрани!.. — истово закрестился Иван. — Черт, дьявол, сатана!.. Сгинь, сгинь, пропади!..

— Не сатана то, — проворчал Яромир, вставая наизготовку. — Обычный сатир... крупный только очень... иди ж ты!.. Топорогрудый!..

Теперь и Яромира проняло. Они оба с Иваном дрожали как осиновые листья, в страхе пятились. Очокочи насмешливо мемекал, подступая все ближе... и без труда перемахивая через вал. В отличие от навьев, ему капище оказалось побоку.

Самосек в руках Ивана ходил ходуном. Яромир стучал зубами, едва сдерживаясь, чтоб не пуститься наутек. Обоих охватил липкий, неотразимый ужас.

— МЕЕ-Е-А!.. МЕЕ-Е-А!.. — истошно блял Очокочи. — МЕЕ-Е-Е-Е-Е-Е!!!

— Паника... — выдавил Яромир. — Панику насылает, зараза такая... Не поддавайся, Ванька, борись...

Куда там бороться!.. Сердце в груди колотилось, как бешеное. Хотелось одного — развернуться и бежать. Драпать что есть ног, без оглядки.

Яромир хотя бы сознанием понимал, что страх его — не настоящий страх. Наведенный. Чтобы он, Серый Волк, сын Волха Всеславича, да убоился какого-то вонючего сатира с топором промеж сисек?! Да ни в жисть! Все мара, наведение, черные чары!

Но одно дело — понимать, и другое — совладать с этим обволакивающим ужасом. Даже волколак оказался недостаточно стоек.

А Иван ничего этого и не понимал. Он просто смертельно трусил, вовсе не слыша, что ему там шепчет Яромир. Самосек выпал из дрожащей руки, княжич пятился к самому краю капища. Выскочил бы из него совсем, да только там стеной стояли навьи. А сейчас Иван боялся не именно Очокочи — он просто боялся... очень-очень сильно. Всего подряд боялся.

Рикирал дак вначале шагал неспешно, да раскатисто блял. Он хотел убедиться, что жертвы изрядно напуганы, что уже обмочили портки, что не смогут дать отпора.

А уж когда убедился... метнулся вперед молнией!

Первым он схватил Яромира. Тот выглядел поопаснее, да и панике сопротивлялся чуть лучше. Две жуткие мохнатые фигуры словно слились в объятиях... и Яромир издал страшный рев. Очокочи крепчайше прижал его к груди, насадил прямо на костяное лезвие, что росло у него между ребер. На освященную землю хлынула бурая кровь.

И вот тут у Ивана в глазах мелькнуло осмысленное. Ноги его по-прежнему не слушались, подкашивались, потерянный меч был далеко... зато за спиной висел лук! Дрожащими руками княжич вынул его, положил стрелу на тетиву... и пустил ее Очокочи прямо в шею!

Страхолюд противно взвизгнул, разжал объятия и повалился набок. Помятый, изрезанный Яромир шлепнулся на землю и тяжело задышал. Гадкий колдовской страх стремительно улетучивался.

Оставил он и Ивана. Княжич резво вскочил на ноги, возмущенно запыхтел и тут же достал еще одну стрелу. Каленую, «рогулькой», с черным древком. Снова натянул тетиву...

— Не стреляй больше, дурак, он сдох! — закричал Яромир.

— Да ладно, мне стрел не жалко!

Вторая стрела вонзилась Очокочи в спину и тот... ожил! Вскинулся, как ужаленный, зло рывкнул, снова распахнул рот — но заблеть не успел. Яромир саданул ему в челюсть когтистой лапищей, выбивая разом два клыка.

— Я ж говорил — не стреляй больше... — процедил он, борясь с чудищем.

Главное было — не дать Очокочи снова разорвать пасть, снова издать вопль паники. Пока рикирал так молчит — он просто очень рослый и сильный сатир. Обычного человечка все равно разорвет одним взмахом, но волколак — дело другое. Волколака ему так легко не одолеть.

Но только пока он молчит.

— Чего он ожил-то вдруг?! — заверещал Иван. — Может, в третий раз стрельнуть?!

— Не... по... мож... — прохрипел Яромир, сплетшийся с Очокочи в клубок меха, зубов и когтей. — Мечом... руби...

Под пустым взглядом сорока навьев Иван метнулся к Самосеку. Тот уже и сам полз навстречу, скользил по заснеженной земле, точно живой. Вот сейчас...

— Мряя-яу!.. — раздался дикий вой, и на княжича обрушилось что-то тяжелое.

Он рухнул, пропахав носом землю. В спину вонзились страшные когти, шею и затылок обдало жарким дыханием. Так и не дотянувшись до кладенца, Иван закричал, тщетно пытаясь сбросить неведомого зверя.

— Что, сука, помнишь меня?! — раздался мяукающий, такой знакомый голос.

— Ой, котик, отпусти!.. — жалобно попросил Иван.

Ответом был удар лапой по загривку. Иван заорал благим матом, чуя, как кот Баюн сдирает с него кожу. Увлеченно урча, чудо-зверь принялся свежевать несчастного парня, уже слыша на языке вкус свежего мяса...

— Ме-е!.. п-ха!.. — донеслось чуть со стороны. То Очокочи попытался заблеять, но снова получил по харе.

Баюн бросил на него злющий взгляд. Вот дал же Кащей соратничка. Они даже двигались большую часть времени порознь — настолько рядом с Очокочи плохо находиться. Блеет все время гнусаво, воняет нестерпимо, да так и ищет, кого бы подмять, снасильничать. Селений они с Баюном сторонились, обходили за версту, но вот в отдельные избушки вламывались дважды — и оба раза только потому, что Очокочи сам не свой до человеческих баб.

Вот уж урод рогатый, делать ему больше нечего.

Но какой-никакой, а все соратник. Надо ему подсобить. Баюн вздохнул и принялся выводить сладкую колыбельную, насылая на поганого волчару тяжкую дрему. Ну а заодно и на трепыхающегося человечка... что он там, еще жив? Баюн не спешил убивать добычу раньше времени, хотел вволю ее помучить, потешиться.

Или все-таки сразу хребет перегрызть? Для надежности.

— Мы коты, коты, коты, у нас желтые хвосты... — напевно мурлыкал Баюн. — Мы коты, коты, коты, принесем вам дремоты... Мы коты, коты, коты, разорвем вам животы...

Бедный Яромир только сбросил оковы колдовской паники, как оказался под воздействием сонных чар. Желтые волчьи глаза затянуло туманом, веки отяжелели, движения стали медленны и вялы...

А уж Очокочи сразу этим воспользовался! Рванулся, резанул волколака грудным лезвием, вонзил в плечи длинные когти!..

— Баю-баюшки-баю, Ваньку я сейчас убью... — продолжал выводить колыбельную Баюн. — Сдохнет серенький волчок, Яромирка-дурачок...

И тут в землю воткнулась стрела. Да не просто стрела — полено прямо! Такими не из луков стреляют — из пороков! Баюн бешено зашипел, шерсть на нем поднялась дыбом, а Иван заорал пуще прежнего — так уж впился в него перепуганный кот.

— А ну, раздались, поганые!.. — донесся могучий бас. — Вон подите, нечистые!..

Окружившие капище навьи шарахались с визгом, с каким-то обреченным воем. Придавленный Иван с трудом повернул голову — и увидел, как они разлетаются в стороны, получая удары страшной величины палицей. Их наносил всадник на громадном черном коне.

В предках у этого копытного явно хаживали медведи — косматый, могучий, пастью зло щелкает.

Сам всадник тоже был выдающийся. Огромного роста, поперек себя шире — но при этом глубокий старец. Седой, как лунь, длиннобородый, лицо изрезано морщинами.словно древний дуб ожил, оседлал коня и врубился в сечу.

Вот великанский старик поднес к губам изогнутый рог — и над холмом поплыло гудение. Навьи при этих звуках совсем ошалели — заверещали, захныкали, бросились кто куда. Парившие в птичьем облике — попадали наземь, забились выброшенными на сушу рыбами.

Иван продолжал хрипеть, придавленный тяжелящим кошаком. Но тот хотя бы перестал мурлыкать колыбельную — Яромир стряхнул сонное наваждение и взвыл:

— Иваныч, подсоби-и-и!..

— Держись, волчище! — гаркнул старик, на полном скаку перемахивая вал.

Яромир что есть сил лягнул Очокочи в живот. Рогатый страхолуд подлетел кверху — и в козлиное рыло врезалась двухпудовая палица. Разбрызгивая кровищу, седой богатырь лупил Очокочи и приговаривал:

— Наука тебе будет, чудище поганое! Не топчи копытами землю русскую, собака... козлиная! Нехристь ты басурманский, дубина ты стоеросовая, мракобес срамной!..

Ругался старик так душевно и витиевато, что Иван аж заслушался. Но тут же опомнился и снова взвыл от боли. Баюн, насмерть перепуганный, вцепился в него еще яростней, спеша растерзать хоть одного из ненавистных врагов.

— Сдохни, сука!!! — истошно промявчил он.

— Да, Иван, не любят тебя коты... — задумчиво прогудел богатырь, хватая Баюна за шкуру.

Седой великан поднял огромного зверя, как нашкодившего котенка. Баюн сначала бился в мозолистой ручище, потом замер и повис со страдальческой мордой.

Ему стало очень грустно.

Израненный Иван перекатился на спину... и тут же обратно на живот. Кожу саднило, вокруг растеклась кровавая лужа. Потянувшись к хребту, княжич нащупал изодранные лохмотья — Баюн сдирал шкуру целыми шматами, обнажая мясо.

— Дивно, что ты еще жив, паря, — цокнул языком старик, рассматривая Ивана. — Ты что ж натворил, котейка?! Почто парня поуродовал?!

Баюн ответил презрительным фырканьем и попытался укунить старика за руку.

Рядом все еще подергивался избитый в месиво Очокочи. Тоже окровавленный Яромир не без труда кувыркнулся, поднялся человеком и захрустел шей, склоняя голову от плеча к плечу. Каждое движение давалось волколаку через боль, но улыбка на его роже играла довольная.

Первым делом он добил сатира. Не когтями, не зубами — просто вытащил нож и деловито чиркнул по горлу. словно козу прирезал. Теперь уже окончательно мертвый, последний рикирал так повалился на холодную землю.

Следом Яромир занялся ранами Ивана. Досадливо ворча и вздыхая, он извел на них

остатки живой воды. Княжич жалобно хныкал и подвывал, пока порезы на спине и загривке срастались, покрывались свежей розовой кожицей.

На отрубленный когда-то бабой-ягой мизинец воды сызнава не хватило. Хотя, честно говоря, Иван с потерей уж свыкся, толком и не помнил о ней.

— Все, больше нет, — буркнул Яромир, вытряхивая из пузырька последнюю каплю. — Остальное уж сам заживляй.

— Да вроде все... — опасливо почесал шею Иван. — Благодарствую...

— Не меня благодари, Иваныча, — кивнул волколак. — Не подоспей он — и лежать бы нам в земле...

— Благодарствую, Иваныч, — отвесил земной поклон Иван. — Иваныч... а имя как?..

— Илья, — пробасил богатырь, скручивая Баюну лапы жесткой веревкой. — Илья Иванов сын, по прозванию Муромец. Слышал, может, о мне, паря?

Иван восторженно ахнул. Слышал ли он?! Конечно, слышал! Кто ж о Илье Муромце-то не слышал?!

Давно на Руси не видали этого древнего богатыря. Лет сорок тому постригся он в иноки Киево-Печерской лавры, где и прожил с четверть века. Думал уж и помереть там, да не выдержал в конце концов, выиграло ретивое, снова уселся на коня и уехал куда глаза глядят. Осьмнадцать долгих лет странствовал по далеким землям.

А теперь вот — вернулся.

— Илья Иваныч!.. — восхищенно заходил вокруг старика Иван. — Илья Иваныч, это что ж, в самом деле ты?!

— Я, Вань, я, — по-доброму улыбнулся Муромец. — Он самый. А ты подрост, гляди-ка, подрост. Возмужал. Я ж, когда в остатний раз до вашего Тиборска доезжал, ты еще в младенях бегал. Вот такусенький был, на ладошке моей сидеть мог.

Иван гордо выпрямился, приосанился. Так уж ему стало приятно, что сам Илья Муромец его помнит.

— Ишь, и меч у тебя какой... — присвистнул богатырь, разглядывая Самосек. — Славный меч, славный. Из кладенцов, чаю?..

— Из них, батюшка, — поклонился Иван.

— Хорошо, ладно, — покивал Муромец. — Ну здравствуй и ты, волчище, здравствуй, Волхов сын.

Муромец и Яромир обнялись так, что затрещали кости.

На восходе заалела заря. Остатки навьев сгнули в преисподнюю... или где они там живут. Муромец, Иван и Яромир переместились из капища в требище. Нужно было передохнуть после драки, поснедать, да дела насущные обсудить — а делать это среди идолов не очень-то гоже.

Труп Очокочи тоже вынесли и схоронили. Подальше, за внешним валом. Нечего его людоедским костям в освященной земле лежать.

А вот Баюна покамест оставили вживе, только скрутили понадежнее. При появлении былинного богатыря чудовищный котище утратил весь боевой пыл — жался в комочек, да мяукал жалостливо. Зачаровать всех троих колыбельной он даже и не пытался.

Яромир сидел в человечесем обличье. В волка он сейчас перекинуться не мог — слишком порвал его Очокочи. Раны заживут быстро, но не мгновенно, так что сегодня Ивану на волке не кататься.

На заснеженной траве расстелили большую скатерть, разложили нехитрый припас. Бурушке, своему громадному коню, Муромец повесил торбу с овсом. Из дорожной котомы достал огромный печатный пряник и бутылъ зелена вина.

— Победу отметим? — потер руки Иван.

— Победу — это беспрременно, — степенно ответил богатырь. — Победу — ее как не отметить? Но не только ее. Родины у меня сегодня, Вань. Выпей за мое здоровье. И ты выпей, волчище.

Иван послушно опрокинул чарку и громко крякнул. Рожу перекосило, внутрих словно заплясал жидкий огонь. Дюже крепко оказалось зелено вино.

— Славно, что ты вернулся, Иваныч, — сказал Яромир, тоже опорожня чарку. — Без тебя неладно было, беспокойно. Что Финист, добрался до тебя?

— Виделся я с братом твоим, — кивнул Муромец. — Я тогда еще в Никомедии был, на солнышке грелся. Думал там и зиму встретить... да передумал. Ты уж не серчай, что припоздал — немолод я уже, волчище, не всюду поспеваю.

— Ничего, главное, что на подмогу к нам вовремя поспел, — помотал головой Яромир. — Так ты, выходит, прямо от сельджуков к нам? Что интересного у них видал?

— Немало видал, волчище! — раскинул могучие руки Муромец. — Ох и немало! Я ходил по земле и обошел ее. Был на восходе, на полуночи и на полудне. Чего только не видал. Велик мир, божественно велик! Видал морского зверя моржа, что о зубах-саблях. Видал людей, что из снега себе избы лепят и на собаках ездят. Видал и таких, что орлиные перья в волосах таскают. Видал стену великую, весь мир от края до края перепоясавшую.

— Это небось та, за которой Гог и Магог обретаются? — вставил словцо Иван.

— Может, и так. Только видал я и тех гогов с магогами — люди, в общем, как люди, только косоглазые, да лопочут непонятно. Сами себя они прозывают хинами и киданями.

— Ишь ты. И когда ты только успел-то столько, Иваныч? — усмехнулся Яромир.

— Э, Яромирка, когда Бог создал время — он создал его достаточно, — опрокинул еще чарку Муромец. — Куда спешить? Трубу Гавриила все едино не пропустишь, а остальное успеется.

Выпили еще по одной, закусили черствым пряником. Предложили и Баюну, но он гордо отвернулся.

Настаивать не стали.

— Вы куда сами-то путь держите, други? — поинтересовался Муромец.

— Да как сказать... — уклончиво ответил Яромир, косясь на Баюна.

— На Буян они едут, на Буян! — фыркнул котище. — Тайны развели, суки! От кого таятся

— от меня таятся!

— На Буян-остров, значит... — задумчиво молвил Муромец. — Ну, удачи вам там. Бывал я на Буяне... давно, еще о прошлом столетии. Остров дивный, волшебный, только ходить туда опасно.

— Бывал, говоришь? — прищурился Яромир. — А ты, Иваныч, дуб ли там не видал? Огромный такой, древний... дивии его охранять должны.

— Видел этих чудищ, — подтвердил Муромец. — Двое их там. Огромные, железные, вместо рук косы острые.

— И что, сразился ты с ними, Илья Иваныч?! — подался вперед Иван.

— Зачем? Издали посмотрел, да и пошел своей дорогой. Мне они зла тоже не сделали — стояли себе возле дуба, ну и стояли. Видать, клад какой охраняли... но я, Вань, не за золотом на Буян ездил.

— Да не золото... — сморщился Иван. — Смерть Кашеева на том дубе, Илья Иваныч...

— Поди ж ты, — хмыкнул Муромец. — Не брешешь? Выходит, правду гусляры-то баяли? Я-то, признаться, всегда думал, что враки это — про иглу в яйце. Оно ж так только в сказках бывает.

— Все так думали, — хмыкнул Яромир. — Я сам так думал. Но если верить вот этому... с хвостом и усами...

— Пошел ты в дупу, сука... — зло проворчал Баюн.

Иван перебрал иконки и крестики, так выручившие в сваре с навьями. Испачкались они в бою-то, загрязнились. Княжич почистил их краем рубахи, ополоснул водицей. С укоризной глянул на усмешливую рожу Яромира и спросил:

— Чего такое-то?

— Да не, ничего, — хмыкнул волколак. — Ты чисть, чисть.

— Вот то-то, что ничего... Чего ты святынь-то христианских боишься?

— Да не боюсь я их, — поджал губы Яромир. — Носить могу даже, если сильно приспичит. Не люблю просто.

— У, нехристь!..

— Оставь его, паря, — пробасил Муромец. — Вот давай лучше я тебе еще винца плесну.

По новому кругу выпили за родины Муромца. От пряника осталось меньше половины, зелено вино плескалось на дне. Иван совсем разомлел, таращился совиными глазами.

— А сколько ж тебе годов-то сегодня исполнилось, дядька Илья? — промямлил он заплетающимся языком.

— Двести пятьдесят шесть, — с гордостью ответил Муромец. — Все мои.

— Да иди ты! — часто заморгал Иван. — Как так?!

— А ты что ж, Вань, не слыхал, что я еще при Владимире Красно Солнышко подвизался? — удивленно глянул на него Муромец. — С дядей его побратимствовал, Добрыней свет Никитичем. Оно когда, по-твоему, происходило-то все?

— Да я... как-то... я не думал... — принялся чесать башку Иван. — Не, ну я... да как ты столько прожил-то?! Ты что, из велетов, дядька Илья?!

— Нет, Вань, человек я, обычный. Просто вышло так, что на пути мне другие люди

встречались, необычные. Вот они меня кое-чем и одарили.

— А Расскажи!.. — жадно уставился Иван.

— Рассказать-то можно, — степенно ответил богатырь. — Рассказать — это дело нехитрое. С чего б начать-то... с самого начала начну. Родился я, Ванюш, близ Мурома, в сельце Карачарово. И до тридцати трех годов хворал — да сильно хворал. Ни ноги не слушались, ни руки. Сидел сиднем, а то лежал пластом. И так бы я и жил до седин у родителей на горбу, да случилось однажды дивное...

— А, калики перехожие явились! — заерзал Иван. — Мне в детстве нянька рассказывала!

— Калики, да, — кивнул Муромец. — Ну или волхвы — уж не знаю, кто они там были. Как сейчас помню: сижу я на печи, и входят в избу три старца дивных. Один — дороден, в кости широк, борода и власа длинные, косматые. Другой тощ, плешив, глаза узкие да недобрые. Третий ликом черен, точно бес поганый, а под мышкой книжищу громадную держит.

— И что они? — замер с пряником в руке Иван.

— Водицы попросили испить. Бородатый посмотрел на меня и сердито так: встань и принеси мне воды! А я ему: не могу, мол, дедушка, обезножен. А он: не смей со мной пререкаться, молокосос! Встань и иди!.. хррр-пс-пс... уснул прямо посреди горницы, представляешь?

— Ну а ты что? — хмыкнул Яромир.

— А я что? — пожал плечами Муромец. — Я встал и пошел. Ноги сами поднялись, да зашагали. И с тех пор уж не подводили.

— Видать, дюже могучие волхвы были...

— Не иначе, божьи апостолы, — кивнул богатырь.

О том, что было дальше, Муромец поведал вкратце. Калики перехожие напились, наговорили еще много всяких... мудрых слов, а потом ушли восвояси. Ну а чувствующий в себе небывалую мощь Илья в ту же седмицу отправился в дорогу. Решил, что довольно уж он родительский хлеб-соль ел, пора самому людям пользу приносить.

О том, как он обзавелся добрым оружием, перебил разбойничью ватагу, одолел чудовищного Соловья и явился на княжеский пир, Муромец рассказывать не стал. Сразу перешел ко второй изменившей его жизнь встрече — с велетом Святогором.

— Велеты уже в те годы были редкостью, — вещал Муромец. — Святогор был последним из великих. Могучий! Огромный! В десять саженей ростом!

— Иди ты! — хлопнул себя по колену Иван. — В десять саженей?!

— Коли не побольше, — кивнул Муромец. — Шел когда — земля тряслась. Словно утес по полю плывет. Баяли, батюшка Святогора — кто-то из старых богов. Не то Сварог, не то Велес, не то Вий Быстрозоркий... Но тут врать не стану — не знаю. Я его о том не спрашивал, а он не говорил.

Со Святогором Муромец побратимствовал не очень-то и долго. К тому времени, как они повстречались, Святогоровы дни уже подходили к концу. Солнце древнего великана было на закате. Собственную тяжесть с трудом носил, смерти искал. Совсем перестала его держать мать-земля.

Но просто так бессмертный велет умереть не мог. И дабы ускорить неизбежное, дабы избежать долгой и постыдной дряхлости, добровольно лег в гроб и поделился силой с побратимом. Илья Муромец перенял его последнее дыхание, а с ним — нечеловеческую мощь и долголетие.

Именно Святогорова сила позволила Муромцу прожить три людских жизни. Но теперь уж, видно, и его конец не за горами — голова белей снега, борода тоже. Как ни могуч Илья, а все ж обычный человек, не велет.

— Старый я уже, волчище, — вздохнул он. — Всех друзей прежних давно схоронил. Дивно даже, что сам до сих пор ноги передвигаю.

— Кстати о ногах, — сказал Яромир. — Куда отсюда стопы направишь, Иваныч?

— Известно куда, в Тиборск, — снова вздохнул Муромец. — Беда там, Волхович, беда... Загляну только вначале еще и во Владимир, с Всеволодом-князем словом перемолвлюсь. Передать ему что от тебя?

— Не, про меня ты ему лучше не говори, — отвел взгляд Яромир. — Он меня вряд ли добрым словом помянет.

— Ладно, — грузно поднялся Муромец. — Прощевай, волчище. И ты, Ваня, прощевай. Весточку от тебя брату передам.

— Не, от меня тоже не надо! — испугался Иван. — У нас с Глебом размолвка вышла...

— Это из-за чего ж вы повздорили? — нахмурился Муромец. — Негоже так. Братья в мире жить должны.

— Да так, дуристость я там сделал одну... — теперь отвел взгляд и Иван.

— Ну ладно, как пожелаешь, — взялся седлать коня Муромец. — А с этим что будете делать, хвостатым?

Взгляды скрестились на Баюне. Кот досадливо поерзал, стараясь прикрыть уже наполовину перегрызенную веревку на передних лапах. Хвост он спрятал под себя, уши прижал и жалобно мяукнул:

— Отпустите меня, суки, я вам больше зла делать не стану! Внукам своим заповедаю, чтоб больше ни одного человека не тронули.

— Врешь ведь, киса, — задумчиво молвил Яромир.

— Да ни в жисть! Да вот тебе хвост на отрубление!

— Не ври, котейко, не ври, — пробасил Муромец. — Губа не дура, язык не лопатка — знает, что горько, что сладко. А речи у тебя хоть и сладкие, да яд в них.

— Так что же, все-таки на шапку меня?! — ужаснулся Баюн. — На шапку?!

— Да не, зачем же на шапку-то... — почесал в затылке Иван. — Вон ты здоровый какой... Тут целая шуба выйдет!

— Не надо, Иван, не убивай меня, сука, я тебе еще пригожусь! — взмолился кот.

— Хе, это зачем ты нам годишься-то? — хмыкнул Яромир.

— А что, давай возьмем его с собой! — предложил Иван.

— Это зачем еще? — повторил Яромир.

— Так пригодится!

— Чем он может нам пригодиться?

— Да ты глянь, какой он здоровый! Если ты вдруг притомишься, я на нем поеду!

— Ездовых котов не бывает! — возмутился Баюн. — Ты мне спину сломаешь, сука жирная!

Яромир с Муромцем смерили его пристальными взглядами и согласно покивали. Не хватит у Баюна силенок, чтоб человека увезти. Это Яромир в такого громадного волчару оборачивается, что и двоих легко поднимет. Иные кони мельче бывают.

А Баюн пусть и покрупнее обычного лесного волка, да хребтина слабовата, спина тонковата. Хотя на Кашеевых харчах он здорово отъелся — и раньше-то сытый был,

упитанный, а теперь вовсе ряха такая, что в дверь не пролезет. От души лопал, видать — дней-то прошло всего ничего.

И все же маловато. Ребенка покатавать еще сгодится, но Иван — детина крупный, кровь с молоком.

— Думаешь, не получится? — огорчился княжич, почесывая кота за ухом. Тот злился, матерился сквозь зубы, но против своей воли мурчал. — Может, тогда просто с собой его возьмем? Ну вместо собаки, например... Пусть для нас дичь ловит!

— А может, мне тебе еще сапоги чистить?! — громко возмутился Баюн. — Не пойду я с вами никуда, суки! Не пойду!

— Ну тогда выбор у тебя простой, киса, — хлопнул в ладоши Яромир. — Либо мы тебя прямо здесь удавим, либо Иваныч тебя к коню привяжет, да обратно во Владимир отвезет, князю на потеху. Снова будешь у дуба на цепи сидеть. А отпустить тебя, уж прости, никак не можно.

Баюн надрывно замыкал, косо поглядывая на Ивана. Тот, самый жалостливый, принялся гладить огромного котяру, а тот шурился, примеривался, как бы этак половчее цапнуть.

Веревки на лапах дюже мешали...

— За что вы так со мной, суки?! — всхлипнул кот. — Я устал, окорябался и кушать хочу!

— Бедный котик... — тоже всхлипнул Иван. — Ну вот на тебе колбаски!

Баюн, и впрямь крепко проголодавшийся, принялся с урчанием пожирать угощение. Яромир смотрел на это насмешливо... но вдруг громко ахнул.

— Иван, слышь... — медленно произнес он. — Ты это... это ты чем его кормишь?..

— Колбаской, — удивленно глянул на него княжич. — А что?

— А это... а это не та колбаса, в которую ты живой воды нацедил?..

— Чего?.. А!.. Отдай!.. — рванул колбасу Иван.

Но было уже поздно. С шумом втянувший в пасть последний ломтик Баюн обомлел, издал сдавленный писк и стал... уменьшаться. Лапы укорачивались, морда меняла очертания, пока огромный чудо-кот не превратился в... котенка!

— Вы что со мной наделали, суки?! — тоненько мяукнул он, вываливаясь из кучи веревок.

— Ну ты ж смотри, как подействовало... — присвистнул Яромир.

— Это что еще за кудеса?! — поразился Муромец.

— А это, Иваныч, у нас Ванька наволхвовал, — с усмешечкой ответил Яромир. — Ты, может, слышал про яблоньку, которую дед Филин на живой воде растил?.. Вот княжич-то наш тоже... ученым себя возомнил. Колбасу живой водой пропитал.

— Сука!.. — пискнул котенок Баюн, в ужасе рассматривая свои лапки.

Совсем уж мелким он, правда, не стал. Вернувшись в котятство, Баюн сравнялся с обычным дворовым котом. Очень крупным матерым кошаком в добрых полпуда весом, но все же обычным, которого можно носить на руках.

— Ну вот и решилось дело удачным образом, — пробасил Муромец. — Берите его с собой, робя.

— А зачем он нам сдался-то? — пожал плечами Яромир. — Что большой, что малый. Не нужен он нам.

— Ну так и мне тоже не нужен. Илья Муромец, богатырь земли Русской — и вдруг с котом в охапку. Смехота же.

— Тогда проще его придушить, — кивнул Яромир.

— Кота?! — возмутился Иван, прижимая к груди дрожащего Баюна.

Яромир вздохнул. Душить беззащитного котенка у него и самого сердце не лежало. Да и топить тоже. Не зверь все ж таки.

— Ладно, — решил он. — Суй его, Вань, в мешок. Возьмем с собой — может, сбавим по дороге дураку какому-нибудь.

Иван радостно заржал и запихал орущего кота в котому. Тот заворочался там, завыл, принялся драть изнутри когтями, но потом замолк. Из затянутого веревкой горлышка высунулась всклокоченная усатая морда и гневно рявкнула:

[Купить полную версию книги](#)